

Анатолий Дроздов

**БОЖЬЯ
КОРОВКА**

Анатолий Федорович Дроздов

Божья коровка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69170986

Божья коровка / Анатолий Дроздов: 1С-Публишинг; Москва; 2023

Аннотация

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст, работающий в разных жанрах. Представляем роман «Божья коровка», написанный в смешанном жанре «попаданчества» и альтернативной истории.

Смерть ещё не конец. А для героя книги – это не просто начало новой жизни, но и возможность изменить жизнь другого человека, перевернув её полностью. Погибнув в наше время, герой оказывается в 1967 году, в Советском Союзе, в теле умственно отсталого юноши по имени Борис. Опекуны давно прибрали к рукам его имущество и полагающиеся от государства деньги, а сам парень не имеет никаких шансов на достойную жизнь. Однако теперь всё поменяется, ведь внутри него человек с умом, образованием, а главное, жизненным опытом и знанием истории. Борису чудесным образом отменяют диагноз, он идёт служить в элитные в ту пору погранвойска, а там, как знать, возможно, герою удастся изменить судьбу не только одного человека, но и целой страны. Подробности – в книге.

Содержание

1	4
2	27
3	48
4	71
5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Анатолий Дроздов.

Божья коровка

*«Божья коровка, полети на небо.
Там твои детки кушают конфетки...»*

Детская песенка.

1

Смерть пахла странно.

Не сырым духом свежей крови, вонюю испорченных кишок или дерьмом, пролившимся из расслабленного сфинктера – этих неизменных спутников войны и гибели. Лосев нанюхался их в достатке. Нет, резко воняло потом и мочой от давно немывтого тела.

«Это почему? – подумал Николай. – К нам же “бэпэошка”¹ приезжала. Все помылись от души, форму поменяли и белье. Суток не прошло. Или я давно лежу? Госпиталь? Там пахнет по-другому. А еще бы салфетками обтерли, если в душ нельзя. Если госпиталь, почему нет боли? Обкололи?»

Он прислушался к себе. Ничего не ныло, не болело. Не было и характерного для анальгетиков ощущения потери

¹ БПО-32 – полевая армейская баня на базе автомобиля КамАЗ.

осязания. Свое тело ощущал он целиком – от макушки и до пальцев на ногах. «Плен? – раздалось в голове. – Держат где-нибудь в подвале?» Мысль мелькнула и пропала – это невозможно. Чтоб Попасную отдали или даже уступили улицу... После продолжительных боев город взяли быстро и уверенно. Драпали укропы, все бросая. Его рота зачищала городской квартал, когда их накрыли «Градами»²... По Попасной били из всего, что было – не могли смириться с поражением. И плевать укропам на гражданских: «сепары» для них не люди. Николай успел расслышать подлетающую ракету, но укрыться не успел. Если даже вдруг контузило, парни не могли оставить командира...

Лосев разлепил глаза. Именно, что разлепил – веки поддались с трудом. Их как будто чем-то смазали, а потом мазь застыла. Яркий свет вокруг – не от ламп, а дневной. Над глазами – потолок, побелен известкой. Видно хорошо, ошибиться невозможно. Это где ж так делают? Он отбросил одеяло, сел и осмотрелся. Комната – большая, вытянута в длину. Два окна, проем в торце, а за ним виднеется стена перед узким коридором. Стены без обоев и покрашены известкой, только к ней добавлен колер. Цвет салатový, густой. Дощатый, крашеный пол. Дальняя, торцевая стена скрыта перегородкой. В ней – второй проем, закрытый ширмой. Что за нею – непонятно, надо будет посмотреть. Мебель в комнате име-

² «Град» – реактивная система залпового огня, созданная в СССР. Состоит на вооружении многих стран, в том числе России и Украины.

ется: стол и стулья, этажерка с книгами, шкаф с диваном. На последнем Лосев и сидел. Небогато. Да и мебель древняя какая-то, он такую видел лишь у бабушки в деревне. Когда она умерла, эту рухлядь вынесли на помойку. Лосев помнил, как отец с соседом волокли тяжелый шкаф, охая и при этом матерясь. В центре шкафа было ростовое зеркало, и его разбили, стукнув о косяк...

Здесь такое зеркало имелось, Лосев встал и подошел... Да твою же мать! На него смотрел пацан, жилистый и крепко сбитый, в одном белье. В синей майке, черных труселях – длинных, до колена. Это было полбеда. Но лицо... Мало, что не мыто, и пятна грязи покрывают лоб и щеки. В нем присутствовала странность, что-то говорящая. Присмотревшись, Лосев догадался. Отраженный в зеркале пацан был явно ненормальным. Может быть, дебил, но, возможно, идиот. Лосев в них не разбирался, но ошибка исключалась. Это ему снится?

Лосев щелкнул себя в лоб. Кожа отозвалась болью, и подросток в зеркале поморщился. Лосев взял себя за уши и высунул язык. Рожа в зеркале превратилась в морду обезьяны, разве что без шерсти. Лосев сплюнул и вернулся на диван. Сел и погрузился в думы.

Размышлял недолго: диспозиция понятна. Все, что видит, наяву. Сны такими не бывают. Наркотический приход? Дурь он никогда не пробовал, но слышал, что там другое: неестественно и ярко. Да и кто ж ему наркотик даст? В госпитале?

Не смешите. Как бы ни хотелось в это не верить, мир вокруг реален. Звуки, запахи, предметы... Кстати, пахнет от него. Лосев оттянул перед собой засаленную майку. Не стирали вечность, вид – как будто ею мыли пол. Страшно думать, что там в труселях. Глянул на подушку. Белая когда-то наволочка – мерзкая, вся в сальных пятнах. Ну, так волосы дебила, как успел заметить Лосев, жирные, невымытые. Что же с ним произошло? Как он ни прикидывал, вывод виделся один. Он погиб в Попасной, а его сознание попало в тело идиота. Понять бы еще: это милость или наказание?

Рефлексовать на эту тему Николай не стал, не имел такой привычки. Он солдат, а не интеллигент из вуза. Будет время – разберется, нет – начальство объяснит. Кто-то же живет в квартире, кроме этого больного пацана. Есть дела насущнее...

Лосев встал и отправился искать санузел – организм, в котором он пребывал, этого настойчиво желал. Нужно нашлось за проемом в коридор. Крохотная комнатка в два квадратных метра, унитаз и ванна с умывальником. Все довольно новое, без потеков ржавчины. Унитаз накрыт седлом из ДСП, крышки не имеется. Николай стащил трусы и угнездилился, между делом осмотрев санузел. Бедность в каждом сантиметре. Стены крашены зеленой краской, потолок побелен. Свет – от лампочки в патроне, что свисает на шнуре. На полу – коричневая плитка, небольшая и шершавая. Ступни это ощущали хорошо. Табуретка, таз, стиральная доска.

Вешалка с несвежим полотенцем. На стене над умывальником – небольшая полка. Что-то там виднеется, нужно будет посмотреть. Крана над фаянсовой раковиной не имелось, и чтобы умываться, нужно повернуть к ней излив смесителя над ванной. Древняя конструкция, как и сам смеситель с рукоятками на корпусе. Сверху – душевая сетка с черным шлангом.

Завершив процесс, он поискал туалетную бумагу. Вместо нее сбоку на стене висел фанерный ящичек с нарезанной газетой. Было ее там совсем чуть-чуть, и Николай не стал использовать. Он стащил с себя белье, бросив его в таз. Перебрался в ванну и открыл в ней воду. Теплая пошла. Никаких шампуней здесь, конечно, не нашлось, но зато имелось мыло, да еще какое! Темный и увесистый кирпич с выдавленными цифрами и буквами. Буквы большей частью смылись, цифры уцелели – 70 %. Знать бы еще, чего³. Пахло мыло не совсем приятно, но зато давало пену. Над натянутыми сверху веревками для белья обнаружилась мочалка из люфы. Лосев размочил ее под краном и, намылив, яростно растер воющее тело. Сделал это дважды, каждый раз смывая пену душем. Вымыл голову и полез из ванны. Вытирать себя не стал – полотенце, что висело на крючке, не внушало оптимизма – грязное, залапанное. Полочка, висевшая над умывальником, оказалась не пустой. Порошок зубной в жестяной коробке, и

³ Хозяйственное мыло советского периода несло маркировку содержания в нем жирных кислот. Чем их больше, тем лучше мылится. Максимально было 72 %.

зубная щетка в граненом стакане. Щетка была деревянной, а щетина – натуральной. Николай отмыл ее с мылом под красным и почистил зубы. Во рту сразу посвежело – порошок был с мятой.

Мокрым, но довольным Лосев выбрался из ванной и отправился искать одежду. Обнаружил ее в нижнем ящике в шкафу. Майки, труселя выглядели чистыми и пахли мылом. Здесь же обнаружилось вафельное полотенце. Лосев им оберся, после натянул белье. Почему пацан его не надевал, было непонятно. Не хотел? Не научили? Ну, дебилов не поймешь. А вот дальше началась засада. Запасной одежды не нашлось, в смысле чистой. Лосев огляделся. Синий тренировочный костюм из тонкой ткани валялся на полу возле дивана. Видно, прежний обладатель тела снял его перед тем, как завалиться спать. Николай поднял кофту со штанами и поморщился – воняют. Он отнес костюм в санузел, бросил в таз к белью. Постирает... Ситуация все больше удивляла. У пацана нет запасной одежды, шкаф стоит практически пустой. Лосев обнаружил в нем лишь сверток белой, плотной ткани, непонятно для чего назначенной, майки с труселями и носки – к слову, без резинки. Шкаф как будто вычищали. Он сходил в прихожую. На прибитой возле двери деревянной вешалке обнаружили пальто и шапка, снизу – кеды и ботинки. По размеру, кажется, его – в смысле, идиота. Это вся одежда, что ли? Потянул за ручку двери – заперта. И замок такой, что открывается ногтем. Впрочем, ключ на-

шелся быстро – он висел на гвоздике, вколоченном в косяк. Стержень и одна бородка – примитив голимый. Лосев встал в скважину и дважды повернул. Дверь открылась тихо и без скрипа. Что за ней? Лестничная площадка, небольшая, он сказал бы: тесная. Дом – скорее всего, хрущевка. На площадку выходили двери, Николай насчитал их три. И еще его – четвертая. Лестница бежала вниз и вверх. Что ж, этаж не первый, не последний – остается этому порадоваться.

Николай закрыл дверь – позже разберется. Есть потребности насущнее. Желудок яростно урчал, требуя его наполнить. Следует найти еду. Кухня подтвердила его вывод о хрущевке. Крохотная, метров пять. Стол, две табуретки и буфет с раздвижными стеклянными створками в верхней трети. За стеклом – тарелки, кружки. Газовая плита на две конфорки, эмалированная, чугунная мойка и – о, счастье! – холодильник. Маленький, чуть выше метра, с буквами «Минск-1» на дверце. Лосев подбежал, открыл ее...

Что за хрень? Холодильник был пустой – ни яиц, ни колбасы, ни сыра. Ладно, сыр – хотя бы банка с огурцами! Ничего совсем. Зло захлопнув дверцу, Лосев подошел к буфету. За высокой створкой на полке обнаружилось немного хлеба – где-то с треть буханки-кирпича. Хлеб немного зачерствел, а еще его кусали – судя по всему, пацан. Лосев выложил обгрызенный кусок на стол, найденным на полке ножом отделил примерно треть. Хватит для начала, а то неизвестно, будет ли еще еда. Есть обгрызенный ломоть было чуть про-

тивно, только Николай себя заставил. Если правильно подумать, за собою же подъедает – тело-то теперь его. Прожевав, он положил оставшийся кусок на ту же полку и, смахнув в ладонь крошки со стола, бросил в рот. Взял эмалированную кружку и налил в нее воды из крана. К удивлению, она не пахла хлоркой и была довольно вкусной. Лучше бутилированной из прошлой жизни⁴.

Заморив червяка, Николай вернулся в комнату. Для начала убрал постельные принадлежности с дивана. Грязные наволочку и простыни стащил и отнес их в ванную. Заменял на свежие, что нашлись в шкафу. Убранная постель отправилась туда же – места там полно. Завершив с этим, он решил исследовать жилище. За перегородкой с ширмой обнаружилась комнатка – темная и без окон. Небольшая, метров пять квадратных. Там стояла узкая железная кровать с белым и покрывалом. Пухлую подушку прикрывала кружевная накидка. Почему пацан не спал здесь, было непонятно. В комнате нашелся стул, торшер и больше ничего. Ну, еще икона на стене, небольшая и бумажная. Спас Нерукотворный... Николай подумал и, поддернув покрывало, заглянул под койку. Чемодан какой-то и деревянный ящик, как у плотников в старинных фильмах. Первым делом Николай вытащил его. Инструменты, гвозди и шурупы в специально сделанных отсеках. Их владелец дело явно знал. Всем давно не пользова-

⁴ Минск в то время полностью снабжался водой из артезианских источников. Очень вкусная была вода!

лись: полотно ножовки испятнала ржавчина, как и клещи с пассатижами. Николай задвинул ящик под кровать и занялся чемоданом. В нем нашелся лишь альбом, тонкий, но увесистый. Ну, так плотная обложка, и листы как будто из картона. Все в пробитых частых прорезях, чтобы можно было вставить фотографии.

Сунув чемодан обратно, Николай забрал альбом и вернулся на диван. Сел, открыл. Фотография, большая, черно-белая. Молодая женщина смотрит в объектив, на коленях у нее – ребенок в ползунках и шапочке. Малышу не больше года.

– Мама, мамочка, – раздалось в голове. Голос всхлипнул и продолжил: – Мамочка теперь на небе, ее боженька к себе забрал.

– Блядь! – Лосев чуть не выронил альбом. – Это что за хрень?

– Я не хрень, а Боря, – ответил голос. – Мы здесь с мамой живем. Но теперь она на небке, потому я здесь один. Дядя Вася через день приходит, рыбку мне приносит с хлебом. Рыбка кончилась вчера, – голос погрузился, – Хлеб остался, но его немного. Ты мне рыбки принесешь?

– Ни фиги себе заявка! – охнул Лосев. – Крыша, блядь, поехала!

– Крыша сверху дома, – сообщил все тот же Боря. – Здесь ее не видно. Мама говорит, что тебя мне боженька прислал – чтоб помог и защитил. И еще сказала, что ты можешь отказаться. Боженька найдет другого, а ты будешь там, где хо-

рошо. Мама говорит: ты это заслужил, потому как душу положил, других спасая. Ты уйдешь? – голос прозвенел тревогой. – Оставайся. Мне с тобою хорошо. Ты меня помыл и хлеба дал.

– Дай подумать, – отозвался Николай. – А пока немного помолчи.

Боря в голове затих. Николай закрыл альбом, бросил его рядом. Ситуация – туды ее растак! Голоса в башке звучат у психов. Им обычно советуют чего-то совершить. Ножик взять, кого-то там прирезать. Или прыгнуть с крыши дома... Надо ему это счастье?

– Боря, – произнес тихонько Лосев. – Я хочу тебя спросить. Если я останусь в этом теле, ты мне постоянно будешь что-то говорить?

– Нет, – ответил голос. – Я не слишком умный, мало знаю, потому умолкну навсегда. Мама говорит: мы станем как один.

– И сознания сольются?

– Я не знаю, – ответил Боря. – Ты согласен?

– Погоди, – сказал поспешно Николай. – Я подумаю еще.

Он встал и подошел к зеркалу. Отмытый Боря выглядел иначе. Крепкая, мускулистая фигура, продолговатое лицо с правильными чертами, васильковые глаза под длинными ресницами. Волосы, некогда остриженные «под ноль», отросли и укрывали голову густой, каштанового цвета шапкой. Высокий лоб, округлый подбородок, прижатые к черепу уш-

ные раковины. Николай улыбнулся отражению. На румяных щеках Бори возникли милые ямочки. «Симпатичный ведь пацан, – подумал Лосев. – Ростом не велик, но сложен крепко. Вроде как на мать похож. Если б не дебил – девки бы на шею вешались. Сколько ему лет?» Уловив смутное воспоминание, он открыл левую створку шкафа и достал с верхней полки картонную коробку. Некогда в ней было печенье – «Овсяное», говорила надпись. Возвратившись на диван, Николай снял с коробки крышку. Документы... Сверху оказалась серая книжица с названием «паспорт» на обложке. Николай ее раскрыл. С черно-белой фотографии в левом нижнем углу на него смотрело виденное в зеркале лицо. Он поднял взгляд выше. Срок действия – до 7 июля 1974 года. Что?! Так, спокойно, смотрим дальше. Коровка Борис Михайлович (ну, фамилия!), время и место рождения – 1 июля 1949 года, г. Минск. Твою мать! Пацану на вид лет шестнадцать. Это ж в какое время он попал?

Николай заставил себя успокоиться. В конце концов, это не страньше, чем перенос его сознания в чужое тело, плюс голос Бори в голове... Он посмотрел на правую страницу. Социальное положение – иждивенец, отношение к воинской службе – не военнообязанный (с этим все понятно), паспорт выдан Советским РОВД г. Минска 7 июля 1965 года. Подпись, печать... Николай перевернул несколько страниц. Штамп о прописке. Адрес: г. Минск, ул. Седых, дом. 4, квартира...

Николай бросил паспорт на диван и взял лежавшую ниже бумагу. Свидетельство о смерти. Коровка Ольга Николаевна, умерла 23 марта 1967 года в возрасте 46 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти сделана соответствующая запись... Причина смерти – рак груди...

В коробке нашлось удостоверение инвалида на имя Бориса Михайловича Коровки. Без фотографии, действительно при предъявлении документа, удостоверяющего личность. Группа инвалидности – вторая. Справка из психоневрологического диспансера Минска. Диагноз: умственная отсталость, дебилизм... Дальше шли какие-то цифры, Лосев в них не понимал. Еще нашлась сберегательная книжка. 2 февраля на имя Бориса Коровки его матерью был сделан вклад на сумму в 500 рублей. 8 апреля деньги сняли до последней копейки. Кто это сделал? Явно не Борис. Странно, что осталась книжка... Лосев взял свидетельство о рождении пацана. Мать: Коровка Ольга Николаевна, в графе «отец» – жирный прочерк.

Николай сложил документы в коробку и отнес ее на полку. Там нашлось и несколько тетрадей в клетку, и альбом для рисования. Шариковая ручка в виде шестигранной трубочки с колпачком и карандаши в пенале. Николай не стал их трогать и вернулся на диван. Сел, откинулся на спинку. Что ж, прикинем. Занесло его, выходит, в СССР, в год 1967-й. В это время в прошлой жизни он даже не родился, а родители учились в школе... Что он знает о 60-х? Ничего совсем, никогда

не интересовался. Дня сегодняшнего он не знает, но, похоже, за окном апрель. На деревьях еще нет листьев, только почки набухают – это Лосев разглядел. И еще в квартире теплые батареи, а в мае в Минске отопление точно отключили бы. Родители Лосева вспоминали о таком: как 15 апреля – батареи греть перестают. Что в итоге? Ничего хорошего. Если согласится, то окажется дебилом, человеком ущемленным. Инвалид бесправный... Боря вспоминал какого-то дядю – тот, похоже, опекун племянника. Славно же он о нем заботится! Подопечный грязный и голодный, без одежды, спит на черных простынях. А куда девались деньги Бори? На книжку положила явно мать, а потом они – тью-тью. Шкаф пустой стоит. Вещи покойницы где? Ладно, их забрали, а одежда пацана? Чтобы у него было лишь одно трико, да и то – дешевка? Не похоже, чтобы мать с сыном бедствовали. По словам родителей, 500 рублей в этом времени – неплохие деньги. Интересно, кем работала покойная?

Рассеянный взгляд Николая, которым он блуждал по комнате, внезапно зацепился за предмет, ранее не замеченный. У окна стояла швейная машина с ножным приводом. Прикрытая накидкой салатного цвета, она терялась на фоне стены. Лосев подошел и откинул ткань. Знакомая конструкция, у бабушки такая же была. Крышка деревянная, сама машинка спрятана внутри. Перед тем, как шить, ее следует достать, открыв сверху створки. В выдвижных ящиках по бокам нашлись нитки, иголки, ножницы, мотки узкой и широкой ре-

зинок. А еще тесьма. Их запас свидетельствовал, что мама Бори много шила. Что ж, с деньгами все понятно.

Николай вернулся на диван. Нужно принимать решение. Или отказаться и пойти туда, где хорошо (непонятно, боязно), или слиться с Борей. Выбор невелик. Дома было проще...

В марте Николай пришел в военкомат и попросился на войну.

– Как вы надоели! – буркнул военком. – Не сидится вам на пенсии. И куда вы рветесь? Обойдутся там без стариков.

– Не такой уж я старый, – ответил Лосев. – Сорок девять лет всего.

– Война – дело молодых. Лекарство против морщин, – процитировал военком слова из песни. – Ладно, капитан. Говорят, готовят документ – вроде, разрешат брать вас на контракт. Как получим, позвоним. Рапорт в канцелярии оставь.

Документ приняли, Лосев подписал контракт. И нарвался дома на скандал.

– И куда тебя несет! – ярилась жена. – Мало кровушки своей пролил? Молодые пусть воюют.

– В том и дело, Маша, что молодые, – отвечал ей Лосев. – Что они умеют? Гибнут ведь зазря. Я чеченскую прошел, Цхинвал и Сирию. Нас так просто не возьмешь. Кто должен защитить тебя и Альку? Пацаны не сдюжат. Украина лишь начало, дальше примутся за нас. Ну, и денег заработаю, платят хорошо. Альке помогу с учебой – дорого в Москве сту-

дентке.

– Ведь убьют же дурака, – всхлипнула супруга. – Как мы будем без тебя?

– Компенсацию заплатят, – успокоил Лосев. – Деньги там большие, вам надолго хватит.

– Был ты дураком, им и остался, – плюнула жена. – За кого я замуж вышла?..

Попрощались, впрочем, хорошо. Николай обнял жену и дочку, обещал звонить и убыл по команде. Их, таких как он, повоевавших ветеранов, набралось немало. В части встретили их хорошо, Николаю сходу дали роту. Позже он узнал, что с началом операции ротам придавали в помощь ополченцев из Донбасса – тех, кто посидел под пулями. Молодым российским офицерам и контрактникам не хватало боевого опыта, оттого несли ненужные потери. Ветераны помогли их сократить. Замом Лосеву назначили старлея, он учил его и молодых контрактников тактике и практике боев за город. Получалось хорошо – вон, Попасную как ловко взяли.

Там он и нарвался... Правильно жена сказала, что дурак, не смог привыкнуть к подлости противника. Убивать детей и женщин, чтобы нанести удар по «русским» – это не помещалось в голове. Потому попал в ловушку...

Прибежал сержант из третьего взвода.

– Товарищ капитан, – доложил взволнованно. – Там, в подвале, женщины и дети. Выбраться не могут, выход заминирован. Укры их о том предупредили. Мы и сами видели.

Там растяжка на дверях висит, скотчем примотали.

– Что ж, веди, – ответил Лосев...

Для начала вызвали сапера, чтобы снял растяжку. После крикнули засевающим, чтобы выходили. Дверь в подвал открылась, показалась женщина с ребенком на руках. Перед ней шла маленькая девочка, лет, наверное, трех – грязная, чумазая. За ее спиной виднелись и другие дети. Николая укололо в сердце. Девочка была совсем как дочь, ну, когда той было столько. Бросившись вперед, он взял ее на руки. Девочка ручонками обхватила его шею.

– Разобрали всех, бегом отсюда! – крикнул Николай.

До него хоть поздно, но дошло: для чего укропам упреждать мирняк о мине? Явно, чтоб собрать солдат противника, а потом по ним ударить. Где-то есть корректировщик, или дрон маячит в небе. Деток быстро расхватили, женщин потащили за руки. Взвод летел к укрытию. Николая обгоняли – тяжело бежать, когда тебе полтинник, да еще при полном снаряжении. Один броник сколько весит! А еще разгрузка, автомат... Девочку капитан отдал солдату – тот умчал ее вперед, сам же топал позади. Тяжело дыша, он видел, как солдаты, дети, женщины забегают в дверь подвала, ранее проверенного бойцами. Там обстрел не страшен. Вот уж и последний скрылся...

Он немного не успел. В воздухе завывали «Грады», над кварталом поднялись кусты разрывов, и один пришелся сразу за спиной...

«Лоханулся я в Попасной, – подумал Николай. – Может, здесь получится? Пропадет ведь пацан. Для начала ограбят, а потом сдадут в интернат для умственно отсталых. Не по-нашему это, не по-людски. Следует помочь. Будет трудно, но прорвемся. Не война все же. Был я Лось, а стал Коровкой. Ну, и хрен с ним...» На мгновение кольнуло сердце: никогда не увидит больше Машу с Алькой. Только с этим он успел смириться, отправляясь воевать. Офицеру всегда следует держать такую возможность в уме. Девочкам придется нелегко, но с потерей справятся.

– Эй, Борис! – окликнул Лосев. – Я согласен.

К удивлению Николая, тот не отозвался. Вместо Бори в голове раздался тихий женский голос:

– Пусть спасет тебя Господь, защитник! Береги сыночка.

Николая обдало теплом. Мир вокруг стал ярче, зримей. Он услышал, как журчит вода в трубах отопления, дует ветер за окном. С глаз как будто стерли пелену, из ушей достали вату. Руки, ноги налились упругой силой, ее было просто некуда девать.

Николай вскочил, прошелся колесом. К удивлению, такое получилось. Руки, ноги подчинялись, как родные, а ведь раньше тормозил в движениях. Хорошо быть молодым, здоровым, сильным. Встав на ноги, он решил заняться делом. Для начала постирал белье с трико и развесил в ванной. Со стиральной доской было непривычно, но освоил быстро. Простыни и наволочку прокипятил в оцинкованном баке –

тот нашелся за плитой в кухне. Сполоснул, оставил отмокать, добавив в воду таблетку синьки. Упаковка их нашлась в буфете. На ней Лосев прочитал и способ применения. В мойке обнаружилась эмалированная кастрюля с крышкой. От нее несло соленой рыбой. Николай ее помыл и оставил на столе. Покончив с этим, занялся уборкой. Совок с веником нашлись под мойкой в кухне, в ванной обнаружались и тряпка со шваброй. Тряпка ссохлась и по твердости напоминала кожу, но в воде размякла. Наведя везде порядок, Лосев достал из шкафа электрический утюг, чудом избежавший разграбления. Расстелив на столе байковое одеяло, погладил влажное трико – чтоб скорей просохло. Ходить в белье ему не нравилось. На ступни натянул носки, прижав их штрипками. Побудет в них пока. Тапки у Бориса были, но они воняли. Николай их постирал и положил на батарею. К вечеру просохнут.

Завершив работу, он доел на кухне хлеб. Жрать хотелось просто ужас как. Принесут ли вечером поесть? Боря, вроде, говорил, что будет дядя. Посмотрев в окно, Николай догадался, что снизу расположен продовольственный магазин. Он видел заезжавшие во двор грузовики-фургоны. Древние, с капотом впереди. Они вставали к рампе, и водители распахивали двери сзади. Грузчики в халатах тащили из фургонов хлеб в кирпичиках, батоны на широких деревянных лотках, молоко в бутылках в ящиках из толстой проволоки. Спуститься и купить? На что? В доме ни копейки.

Вид недоступной для него еды заставил недовольно заурчать желудок. Николай вернулся в комнату и развалился на диване. Будильник на столе показывал начало пятого. Что делать, если дядя не придет? Спуститься вниз и встать у входа в магазин с протянутой рукой? Ну, во-первых, стыдно. Во-вторых, последствия непредсказуемы. В той жизни это прокатило бы, а в СССР другая обстановка. Сдадут в милицию, а там посмотрят документы и решат отправить в дурку пацана – пусть там и содержат. Прощай, свобода...

Внезапно до него донесся звук отпираемого замка. Николай вскочил и направился в прихожую. Открылась дверь, и в нее зашел невысокий, щуплый мужичок в кепке и плаще. В руке он нес сетчатую сумку. В ней Лосев разглядел две буханки хлеба и большой кулек из оберточной бумаги. Кое-где она промокла, и Николай почувствовал запах соленой рыбы.

– Заждался дяди? – улыбнулся гость и, нацепив на вешалку кепку, протопал в кухню. Плащ и ботинки он снимать не стал. Николай поморщился и отправился следом. На кухне гость примостил на табурете сетчатую сумку, достал буханки и выложил на стол. Затем извлек кулек. Сумку свернул и убрал в карман.

– Кастрюлю, вижу, приготовил, – хмыкнул гость. Говорил по-русски он не чисто, искажая слова⁵, – и памыв, – заметил, убирая крышку. Он развернул кулек и вытряхнул в кастрюлю

⁵ Гость говорит на так называемой «трасянке» – смеси русского и белорусских языков.

лю ворох мелкой рыбы. – Сёння килька, – объявил. – Хамса кончилась. Паек тебе на пару дней. Ешь! Боря кильку любит, – он произнес, кого-то передразнивая, и Лосев догадался, что его.

При виде рыбы желудок заурчал, а рот наполнился слюной. До жути захотелось запустить ладонь в серебристое богатство, захватить ворох рыбки и жрать, размазывая по лицу рассол. Пацан, наверное, так и делал, оставляя разводы грязи на лице. Николай с трудом себя сдержал. Прошел к буфету и достал тарелку. Ложкой навалил в нее горку кильки. Ножом отрезал от буханки толстую краюху. Взял вилку, сел на табурет и стал неспешно есть, забрасывая в рот по паре рыбок. Жевал их вместе с головами, закусывая свежим черным хлебом. Вкусно просто до невозможности. Или это ощущения от Бори?

– Во даець, божия коровка! – промолвил посетитель, все это время наблюдавший за подростком широко открытыми глазами. Подумав, он присел на табурет, и вынул из кармана початую бутылку водки. Та оказалась небольшой, примерно с четверть литра⁶. В горлышко бутылки была вставлена самодельная пробка из оберточной бумаги. Гость достал ее, раскрутил бутылку и вылил водку в горло. Крякнул и, выцепив из кастрюли рыбку, бросил ее в рот. Затем отщипнул от початой буханки кусочек хлеба и отправил его следом. Энергично прожевал. – Есть культурно став, рукой не хапаешь. И

⁶ Так называемая «чекушка», емкость 250 мл.

рожа чистая, памывся вроде. К тебе кто-то прихадыв?

– Сейчас отвечу, – сообщил Лосев, отодвигая опустевшую тарелку. – Скажи мне, дядя, ты мой опекун?

– Ага, – ответил мужичок, – так твоя мамка захотела. А я ёй брат, хотя двоюродный. Родных у Ольки не осталось, сгибли на войне. Мы с ёю родичались⁷.

– Я получаю пенсию?

– Конечно, – опекун кивнул. – По случаю утраты кормильца.

– Большую?

– Тридцать шесть рублей, одиннадцать копеек. Олька получала хорошо. Бухгалтер на заводе...

– А сколько стоит килька?

– 12 копеек килограмм. Хамса по десять.

– Буханка хлеба?

– 12 копеек.

– Ты, значит, тратишь на меня 24 копейки в день, в то время как из пенсии выходит более рубля. Где остальные деньги, дядя?

– Э-э... – мужичок завис. – Я за кватэру вашу заплатив.

– Сколько?

– Пять рублей с копейками.

– Все равно выходит более рубля. Остаток пропиваем? Это вот, – Лосев щелкнул ногтем по бутылке, – купил за деньги инвалида? Так ты о нем заботишься, мерзавец?

⁷ Родичались – поддерживали родственные отношения. Диалектное слово.

– Да што ты, Бора? – возмутился опекун.

– Сейчас узнаешь!

Николай вскочил и левой сгреб опекуна за ворот. Прислонив его к стене, стал хлестать правой ладонью по щекам. Голова мужчины моталась на тощей, кадыкастой шее.

– Тебе, козел, мать сироту доверила, – рычал Лосев в перепуганную рожу. – А ты его ограбил, голодом моришь. Где деньги, которые мне мать оставила? Где вещи, которые из дома вынес? Задушу скотину!

Он сжал покрепче ворот мужика.

– Не надо, Бора, – прохрипел жертва. – Детки у меня.

Николай ослабил хватку.

– Деньги отдавай!

Трясущейся рукой мужик достал из кармана кошелек. Николай забрал, открыл и высыпал на стол бумажки и монеты. Подвигал пальцами. Тринадцать рублей и семь копеек.

– Где остальные?

– Потратил, – мужичок сглотнул.

– Когда заплатят снова?

– Через три недели.

«Проклятый алкоголик! – подумал Николай. – Пропил две трети пенсии. 13 рублей на три недели – 62 копейки в день».

– Где деньги со сберкнижки, вещи матери, мои?

– Одежу Лизка продала, – опекун опять сглотнул. – Купила мебель и обновки для сябе. Детей одела...

– А меня раздела.

– Она сказала: «Этому не треба». Еще и холодильник и машину швейную забрать хотела. Посуду взяла. Яна осталась.

– Вернешь все, деньги – тоже. За проданное отдашь, что получили. А нет – не обижайся, дядя! – Николай ощерился. – Приду и задавлю обоих. Детей твоих сдадут в детдом.

– Все буде, Бора! – испуганно заверил мужичок. – Не надо нас душить. Дык я пойду?

– Ключ от квартиры отдавай! – Николай протянул ладонь. – Чтоб следующую пенсию принес мне до копейки. Ты понял, пидарас?

– Да, – закивал мужчина и, отдав ключ, исчез за дверью.

«Надеюсь, все вернет, – подумал Лосев. – А нет – придется туго. Не повезло нам с пацаном нарваться на такую гниду... Еще б на Лизку эту посмотреть. Я б этой слякоти сказал...»

«Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться»⁸. В правоте этой сентенции Николай убедился довольно скоро.

⁸ Эту фразу Воланд говорит Маргарите. На самом деле это изречение Конфуция.

2

Спровадив опекуна, Николай навел порядок в кухне. Кастрюлю с килькой сунул в холодильник, хлеб сложил в буфет. Не удержался, откромсал краюху и присел за стол. Жевал, морща нос от удовольствия. Какой же вкусный хлеб здесь!

– Сижу на нарах, как король на именинах, и пайку черного мечтаю получить... – пропел Лосев строчку из забытой песни детства. Дальше он не помнил.

Николай родился и вырос в СССР. Ко времени его распада отучился в школе. Обычное дворовое детство с мальчишескими играми и драками. Успехами в учебе не блистал и пошел в военное училище, знаменитое ДВОКУ⁹. Закончив, помотался по стране, служил по дальним гарнизонам. На Первую чеченскую не угодил, Вторая зацепила. Затем Цхинвал и Сирия... В последней Лосев побывал перед увольнением в запас. Выслуги лет накопил с избытком, но в карьере не поднялся выше командира роты, о чем, впрочем, не жалел. В кадрах намекнули, что пора на отдых, он не возражал – надо дать дорогу молодым. На гражданке устроился сторожем на стройке и жил бы тихо, не случись война. Ее он принял без восторга. Опять бои, потери... Прежде телевизор Лосев не любил, считая, что смотреть там нечего.

⁹ Дальневосточное высшее общекорпусное училище.

Сплошные педерасты в перьях и дебильное кино. Ну, ладно, про любовь, бандитов и другую хрень снимали бы, так нет же, про войну им захотелось. Вранье и фальшь. Актеры и актрисы в красивой, новой форме, а играют так, что лучше не смотреть. Тошнит от этого. Нет, были фильмы и нормальные, но очень мало. Некоторые сняли белорусы, что и понятно – у них войну не забывали. В последние годы добавились российские. Но опять же... На фильм «28 панфиловцев» деньги собирали всем миром – позор для государства и его чиновников. Зато на злобных энкавэдэшников, кочующих из фильма в фильм, денег не жалели. Их на экране появилось больше, чем было в СССР.

Теперь же Лосев не отходил от телевизора, часами не вылезал из интернета. Смотрел все доступные источники – российские и зарубежные. И скоро понял: его место там. Из всех войн, на которых побывал, это самая нужная и справедливая. Пошел в военкомат...

Он взял со стола купюры, оставленные дядей, рассмотрел. Две трешки и пятерка, парочка рублей. Таких он не держал в руках лет тридцать. Хорошая была валюта, крепкая. Мороженое стоило копейки. Пломбир – 20, большое эскимо – 22. Потом все стало дорожать, и счет пошел в рублях. А там и тысячи приплыли...

Звонок в дверь оторвал его от воспоминаний. Удивившись, Лосев встал и отправился в прихожую. Кто в гости к нам? Он отпер дверь. На лестничной площадке стояли

двое: тетка в черной кофте, плотная и коротконогая. Пышную прическу прикрывала вязаная шапка. Поросычья рожа надулена и пышет злобой. За ее плечом маячил опекун.

– Так, – сказала тетка, уперев руки в бока. – Гэта ты, дебил, грозить нам вздумал? Задавить нас собирався?

«Лизка, – догадался Лосев. – На разборку прибыла. Ах ты, сучка!»

Ничего не отвечая, он шагнул вперед и сорвал с головы тетки шапочку. Швырнув ее на пол, вцепился пятерней в волосы фурии. Тетка завизжала. Не придавая этому значения, Лосев затащил ее в квартиру и швырнул на пол в прихожей. Пнул в заросший салом бок.

– Лежи здесь тихо, свиноматка! – рыкнул грозно. – Задавлю!

– Вася! – завопила тетка. – Ты чаго глядишь?

– Бора!.. – опекун вбежал в прихожую. – Да што ты робишь¹⁰?

– Встал там и замер! – рывкнул Николай. – Не то тобой займусь.

Он показал кулак. Мужик сглотнул и подчинился.

– Дверь закрой, – приказал Лосев. – Не то соседи набегут, и все узнают, как меня ограбили. Вы этого хотите?

Опекун кивнул и запер дверь, оставшись у нее, а Лосев наклонился к Лизке.

– Пришла племянника проведать? – произнес зловеще. –

¹⁰ Робишь – делаешь (бел.).

Заждался, тетя. Ходил тут грязный и голодный. Все деньги, что мне мать оставила, вы украли, а пенсию пропили. Одежду вынесли из дома, другие вещи. Дебилу ведь не надо. Жри, Боря, кильку и скажи спасибо. Так, тетя Лиза?

– Ты што-то поуменел, – пробурчала свиноматка. – Раньше так не говорил.

– Так жизнь заставила, – Лосев усмехнулся. – Так что, вернем украденное и извинимся?

– Пошел ты на хрен! – выплюнула тетка. – Дебил поганый!

– Ну, что ж, сама и напросилась...

Николай схватил ее мизинец и вывихнул одним движением. Такое он умел – добрые люди научили. Тетка завопила. Лосев вывихнул и безымянный палец. Вопль усилился. Жестоко? А как с такою разговаривать? Мать Бори, умирая, доверила семейной паре единственного сына. Они, конечно, заверяли, что присмотрят пацана. И что в итоге? Обобрали и устроили мальчишке концлагерь на дому. Твари!

– Бора! – подскочил к нему дядя и попытался оттащить от супруги.

– Стой там, где приказал! – рявкнул Николай и отбросил его к двери. – Не то тобой займусь. Переломаяю пальцы на руках и выброшу в окно – тебя и эту свиноматку. И мне за это ничего не будет – ведь я дебил. У меня и справка есть. Показать?

– Не надо, – поспешил опекун. – Не мучай Лизку. Я тебя прошу.

– Тогда иди в комнату, дело есть.

Опекун помялся и прошел. Перед этим переступил через поскуливавшую на полу Лизку. В комнате Лосев указал ему на стул, сам достал из шкафа чистую тетрадь и ручку.

– Вот! – сказал, положив на стол перед опекуном. – Бери ручку и пиши.

– Что? – спросил мужчина.

– Продиктую.

Лосев подождал, пока дядя приготовится, и начал:

– В Советский РОВД г. Минска. Гражданина... Фамилия, имя, отчество. Написал? Проживающего по адресу...

Опекун писал, высунув от старательности кончик языка. Было видно, что это занятие для него не частое.

– Заявление, – продолжил Николай. – Отступи на строчку ниже. Сообщаю, что являюсь опекуном моего двоюродного племянника Коровки Бориса Михайловича, 1948 года рождения, проживающего по адресу... Написал? Продолжим. Только вместо того, чтобы добросовестно выполнять возложенные на меня государством обязанности, мы с супругой... имя, отчество, полностью... украли у него отложенные его матерью деньги в сумме 500 рублей, а также одежду и другие вещи...

– Вася! – воскликнула молчавшая до этого тетка. – Не пиши этого!

– Еще пальчик сломать? – осведомился Николай. – Их еще восемь осталось. Приступить?

– Не надо! – поспешил опекун. – Я напишу.

Николай зашел за его спину и проверил. С ошибками получается, но это не беда. Не сочинение на экзамене.

– Все украденное обязуюсь возвратить, а за проданные нами вещи выплатить компенсацию, – продолжил диктовать Лосев. – Срок на это месяц.

– За месяц не выйдет! – замотал головою опекун. – Хоть убей. Я не так много получаю. За три.

– Пиши три, – подумав, согласился Николай. – Про пропитуемую тобой пенсию не забудь. Дальше. Если я не выполню этого обещания, пусть меня постигнет суровая кара советского закона и всеобщее презрение трудящихся.

Лосев сам бы не ответил, отчего вдруг припелел трудящихся, просто всплыло в памяти. А вот дядю Васю пробрало. Он весь как-то подобрался и закончил текст.

– Дата, подпись, – напомнил Николай. – Молодец, вставай. Лизка тоже пусть подпишет.

– Я не буду! – заявила «свиноматка».

– Пальчик приготовь! – хмыкнул Лосев.

Дядя Вася подскочил и помог супруге встать на ноги. Подвел к столу. Та сморщилась, но взяла ручку и черкнула ниже подписи супруга.

– Молодцы какие! – похвалил их Лосев. – А теперь я вправлю тебе пальцы. Я их не сломал, а только вывихнул. Давай, давай! – прикрикнул, уловив ужас в глазах у тетки. – Боря не садист, он хороший мальчик.

Тетка робко протянула пухлую ладонь. Николай ее схватил и двумя движениями вправил вывихнутые пальцы. Тетка охнула и застонала. Из поросячьих глаз на щеки выкатились слезы.

– Все, все, – заверил Николай. – Немного поболит и будет в норме. Завтра приносите вещи – те, что еще остались. А нет, так эта вот бумага, – он приподнял тетрадь, – окажется в милиции. Вам это ясно?

Супруги закивали.

– Все, вас больше не держу, валите.

Родственники удалились. Лосев спрятал в шкаф тетрадь и изучил книги на этажерке. А чем еще заняться? Все книги оказались сочинениями русских классиков. Поколебавшись, Николай остановился на Тургеневе – «Отцы и дети». В школе Лосев эту книгу не читал, как и многие другие, – скукота. Здесь же неожиданно увлекся. С Базаровым он ощутил духовное родство. Евгений занимался делом, а не болтал, как прочие вокруг. Он не лебезил, говорил, что думает. Лосев сам такой, потому не прыгнул выше командира роты, оставшись капитаном. Базаров умер молодым и одиноким, а Николай завел семью, но это мало что меняло...

Читал он до полуночи, прервавшись лишь на ужин. Сходил на кухню, пожевал все той же кильки с хлебом, запив ее водой из крана. Хозяин тела был доволен – он рыбку обожал, но Лосев дал себе зарок меню разнообразить. Вот завтра и займется.

Покончив с чтением, он разложил диван – тот раскрывался, словно книга. Амортизация на спинке и сиденье из стальных пружин, те упирались в войлок. Никакого поролона. Он застелил постель, почистил зубы, и, погасив свет, провалился в сон.

* * *

...На их позиции катил укропский танк. Но не привычный Т-64, а какой-то незнакомый, со сплюснутой, как панцирь краба, башней. «Похоже, «Леопард», – подумал Николай и прокричал в траншею:

– Гулямов, пиздани его из «Джавелина»!

На бруствер выскочил боец с трубой в руках. Присел, пристроив на плече, и приник к визирю командно-спускового блока. Хлопок – и дымный след ракеты устремился к танку. Она попала точно в башню, но «Леопард» ее как будто не заметил. Взревел движком и устремился прямо к ним.

– Вторым давай! – рявкнул Лосев.

Вторым не получилось – не сработала «шайтан-труба». Это был «Энлоу», английское дерьмо, которое стреляет через раз. Гулямов, лучший ротный птурщик, отшвырнув «Энлоу», заскочил в траншею. Песец, других в запасе не имеется.

– Пион, Пион! – Лосев крикнул в рацию. – Огонь – на нас! Передаю координаты...

Он все кричал, а танк неумолимо пер на них. Следом, пряча за кормой, рысили шустрые укропы. На фланге застрошил ПК, отсекая их от «Леопарда». Танк дернул башней и выстрелил из пушки. Пулемет умолк. Танк покатил к траншее, опуская дуло пушки. «Не успеют их накрыть», – понял Лосев. Зрачок ствола уставился ему в лицо. «Песец!» – подумал Николай. Разум требовал отбежать по ходу сообщения или хотя бы присесть на дно траншеи, но тело вдруг оцепенело, и он с ужасом понял, что не в состоянии пошевелиться. Из дула танка вырвались огонь и дым, Лосев увидел стремящийся к нему снаряд, но тот вдруг почему-то замедлился и шлепнулся на бруствер, не взорвавшись. А после зазвенел – пронзительно и противно.

Весь в поту, Николай вскочил с дивана и ошалело огляделся. Он в комнате, вокруг темно, но можно разглядеть очертания предметов. Сон, всего лишь сон... Но, блин, до чего ж реальный!

Звонок внезапно повторился – звонили в дверь. Николай, как был – в трусах и майке, побежал в прихожую, где, щелкнув выключателем, зажег свет и отпер дверь. За нею оказался дядя Вася. В руке он держал объемистый узел.

– Вось, принес, – сообщил племяннику. – Твои рэчи.¹¹

Не говоря ни слова, Николай забрал тяжелый узел. В нем что-то звякнуло.

– Подстилку возверни, – заторопился дядя. – Яна мая.

¹¹ Рэчи – вещи (бел.).

Николай отнес узел на кухню. Там, водрузив его на стол, стал доставать кастрюли и тарелки, выкладывая их рядком. Нашлись здесь чашки с блюдцами и чайник для заварки – похоже, что комплект. Еще ножи и вилки и другая утварь. Но более всего удивили Лосева рубашки с кепкой, лежавшие на дне узла.

– Твои, – промолвил дядя. – Я их не носил, в шкафу лежали.

Лосев достал оказавшийся в узле халат – явно женский. Об этом говорила пёстрая расцветка ткани.

– Олькин, – пояснил опекун. – Его тоже не носили.

Он забрал подстилку и, сложив, сунул в карман.

– Я пойду? Мне на смену.

– Постой! – ответил Лосев. – Я видел у тебя такую сумку...

Из сетки сплетена.

– Авоська?

Николай кивнул:

– Дай мне.

– Пятьдесят копеек стоит, – промолвил дядя, доставая сумку.

– Из долга вычтешь, – сообщил племянник, забрав авоську. – Свободен.

Но опекун остался у стола.

– Ты, эта... – начал, глядя в пол. – Не говори никому про меня и Лизку. Что гроши у тебя забрали, рэчи... Дознаются в деревне – здоровкаться не будут. А мамка с хаты выгонит...

Хоть ты не едь туда.

– А раньше что не думал? – хмыкнул Николай.

– Дык это Лизка, – завздыхал мужчина. – Жадная она. У ей родня вся такая.

«Что ж ты на ней женился?» – хотел спросить Лосев, но не стал. По-разному бывает. Жениться можно по залету иль не разобраться в нареченной. Женщины, пока в невестах, показывают себя с лучшей стороны. Мы, типа, хорошие и работающие. Ад начинается потом...

– Если вернете, что забрали, не скажу.

– Не сомневайся! – заверил опекун. – Я на тракторном раблю¹², машины собираю. Пойду в литейщики, меня зовут. Они все добра получают – по двести и больше рублей. У меня сейчас – сто пятьдесят грязными¹³.

– Успехов! – пожелал ему Николай и выпроводил гостя.

Вернувшись в комнату, он завалился на диван и скоро провалился в сон. Войны он больше не увидел. Зато явилась Алька, но не студентка, а девчушка лет пяти. Она смотрела на него в упор, обиженно насупив лобик.

– Зачем ты бросил нас – меня и маму? – спросила вдруг. – Мы так тебя любили!

– И я вас – очень-очень! – ответил Николай, но слов произнести не получилось – застыли в горле.

– Ты – плохой! – сказала дочка. – Не ходи к нам больше!

¹² Раблю – работаю.

¹³ Грязными – то есть до вычета налогов.

Она исчезла с глаз.

«Теперь уж точно не приду, – подумал Николай, проснувшись. – Вернее, Боря не придет. Маша выйдет замуж за лейтенанта Лосева, родит ему Альку, и я их не увижу. Если специально не искать. Но зачем? Пусть им будет хорошо. Может здесь все будет по-другому? СССР не распадется, не случится этих войн? Жаль, что не могу на это повлиять: кто станет слушать мальчика-дебила? Беда...»

Взгрустнув, он встал и начал приводить себя в порядок – умылся и почистил зубы. Бриться Боре пока рано. На кухне он позавтракал хлебом и водой и стал готовиться к походу в магазин. Пересчитал наличность, взял авоську и только тут сообразил, что чуть поторопился – с одеждой плохо. На дворе 14 апреля (дату Лосев подсмотрел на заявлении опекуна), и за окном прохладно. А на нем – тонкое трико.

Николай сходил в прихожую, надел пальто с ботинками. Нахлобучив на голову возвращенную дядей кепку, глянул на себя в зеркало. Мда, видок... Дебил дебилем. Пальто не по сезону, как и вытянутые на коленях треники. Но делать нечего, придется так идти. Рассовав по карманам деньги и авоську, Лосев вышел из квартиры.

На площадке было пусто, и на лестнице ему никто не встретился. Пуст был и просторный двор перед подъездами. Лишь у ramпы магазина разгружали хлеб в лотках. Лосев завернул за угол и поднялся по ступенькам к входу в магазин – «Гастроном», если верить буквам с козырька. Встав пе-

ред дверь, Лосев ознакомился с временем работы торговой точки. Его нанесли прямо на стекло по трафарету краской. Немного удивился. Торговали здесь с 8 до 20, с перерывом на обед с 13 до 14. В воскресенье – выходной. М-да... Он толкнул стеклянную дверь и вошел в торговый зал. Встал и огляделся.

Покупателей внутри оказалось немного – будний день. На будильнике, как Лосев заметил, уходя, без четверти девять. Люди трудятся, как это принято в СССР, тунеядцев здесь не жалуют. Николай об этом читал. На заводах в разгаре первая смена, а кто работал во второй и третьей, сейчас отдыхают. Потому в торговом зале большей частью старушки-пенсионерки. Лосев некоторое время за ними наблюдал. Интересно здесь организована торговля. По периметру зала – прилавки, в центре – выгородки с кассирами. Покупатель сначала выбирает товар, затем выбивает чек и возвращается к прилавку. Там чек забирают и выдают оплаченные продукты. Если товар не фасованный, то его сначала взвешивают, заворачивают в оберточную бумагу и называют покупателю цену. Он тащится к кассе. К одному и тому же прилавку приходится вставать дважды. Хотя для покупателей с чеками очередь отдельная. Бардак...

Уяснив принцип, Лосев двинулся вдоль прилавков, приглядываясь и прицениваясь. От колбасного почти сразу отошел – ну, млять, и цены! Вареная колбаса – два рубля и двадцать копеек за килограмм, полукопченая – три шестьдесят.

Твердая – и вовсе пять. Теперь ясно, почему их не слишком покупают – пошикуй тут на 36 рублей. А с его тринадцатью и вовсе жопа. Сырое мясо тоже дорогое: говядина – рупь девяносто за килограмм, свинина – два. Причем свинина очень жирная, и все с костями. А где же вырезка? Сыры стоили дешевле, но опять не по карману – три рубля за килограмм, хотя есть и по 2,60. Яйца – 90 копеек за десяток. Обойдя прилавки, Николай приобрел чай (48 копеек за пачку в 50 граммов), килограмм сахара-песка за 90 копеек (развесили в кулек), килограмм перловки – 26 копеек и та же упаковка, пшеничный нарезной батон за 13 копеек. Не удержался и купил сливочного масла, отдав 75 копеек – в отрезанном ему бруске оказалось чуть больше двухсот граммов. Итого два с половиной рубля как корова языком слизала, а ему жить еще двадцать дней. Хлеб и килька? Интересса ради Николай сходил к прилавку с рыбой. Килька и хамса наличествовали – по 12 копеек за килограмм. А еще имелась тюлька, но уже по 25. Бочковая селедка – рубль тридцать за кило. Огромный выбор мороженой рыбы – от минтая до палтуса, и стоит подешевле мяса – от 40 копеек за килограмм. Но рыбой сильно не наешься, к тому же ее лучше жарить, а для этого купить растительного масла. Его здесь продавали, наливая в банки покупателей. Полтора рубля за литр – грабеж! И мука понадобится...

Раздосадованный Лосев отправился домой. У подъезда его окликнула сидевшая на лавочке немолодая женщина.

– Боря? Коровка?

– Я, – ответил Николай.

– Давно тебя не видела, – сказала женщина. – С тех пор, как мамку схоронили. Не узнаешь меня? Я Пантелеевна, соседка по площадке. Вышел погулять?

– В магазин ходил, – Лосев показал авоську.

– Сам, один? – изумилась Пантелеевна.

– А что такого? – Николай пожал плечами.

– Так раньше не ходил, – растерянно сказала женщина. – Только Ольга.

– Открою вам секрет, – Лосев наклонился к ней. – Я вдруг внезапно поумнел. Вот книжки стал читать. «Отцы и дети», например. Тургенев написал, Иван Сергеевич. Читали?

– Нет, – глаза у Пантелеевны ползли ко лбу.

– И зря, – укорил Лосев. – Книга интересная, полезная уму. Доброго вам дня!

Смеясь, он поднялся к себе, где поставил на плиту эмалированный чайник. Спичек в доме не имелось – наверное, от дебила прятали, но Лосев их купил, отдав за коробок копейку. Вода вскоре закипела. Лосев ополоснул фаянсовый чайник, бросил туда заварки и залил кипятком. Пока чай настаивался, пересыпал сахар из кулька в стеклянную банку (их нашлось несколько в буфете) и оставил на столе. Отрезал от батона толстый ломоть и намазал маслом. Спустя минуту он жадно ел, запивая бутерброд горячим сладким чаем. Вкусно было так, что не передать словами. Свежий, еще теплый ба-

тон и натуральное коровье масло без добавок. В его времени уже не было такого.

Взгляд его рассеянно блуждал по кухне, пока не наткнулся на небольшую продолговатую коробку, стоявшую сверху на буфете. Спереди ее закрывала ткань, а внизу имелась круглая коричневая ручка. Николай встал и покрутил ее.

– Московское время десять часов, – сообщил ящик. – В эфире – новости.

«Приемник, – догадался Николай. – Но верней – радиоточка. Была и у нас такая, только выглядела по-другому». Он сходил в комнату, где выставил на будильнике правильное время – тот безбожно отставал, заодно завел пружину – это вам не электронные часы на батарейках. Воротившись в кухню, прослушал выпуск новостей. Трудящиеся СССР покоряли космос, занимались севом зерновых, выпускали трактора и автомобили, плавил металл, выполняя и перевыполняя планы. И все это, идя навстречу замечательной дате – 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Так оно, вроде, в ноябре, – подумал Николай. – Что ж они в апреле надрываются?»

Рассуждать на эту тему он не стал. Новости закончились, и начался концерт. Приятный женский голос затянул:

*С утра ты сегодня хмуришься
До сих пор, до сих пор
Молчишь, не глядишь и куришь всё.
Тянешь свой «Беломор».*

*А мне до тебя только шаг всего,
Только шаг небольшой.
Но как, научи, прошагать его,
Чтоб сказать: «Мой родной...»*

Лосев заслушался. Песни этой он не помнил, но она ему однозначно нравилась. А певица продолжала убеждать:

*Пусть в счастье сегодня не верится —
Не беда, беда!
Давай еще раз помиримся
Навсегда, навсегда!..*

– Песню «Давай никогда не ссориться» исполнила Тамара Миансарова, – сообщил диктор. – Автор слов и музыки Юрий Цейтлин. А теперь... И мужской голос запел:

*Заправлены в планшеты
Космические карты,
И штурман уточняет
В последний раз марируют.
Давайте-ка, ребята,
Закурим перед стартом:
У нас еще в запасе
Четырнадцать минут...*

«Ни фиги себе у них тут порядки! – подумал Лосев. – Курить перед стартом, да еще у ракеты, заправленной топли-

вом? Дебилы...»¹⁴ А певец продолжал:

*Я верю, друзья,
Караваны ракет
Помчат нас вперед —
От звезды до звезды.
На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы...*

«Ага! – хмыкнул Лосев. – Ваши... Американцы по Луне потопчутся. Хотя у нас, вроде, луноходы там ползали. Тоже наследили...» Он отрешился от концерта и подумал о другом. С одеждой нужно что-то делать. Ходить в трениках с вытянутыми коленками холодно, а в пальто он выглядит пугалом. Он разобрал принесенную опекуном одежду. Халат сходу отложил – не его фасон, а рубашки рассмотрел. Одна теплая, фланелевая, в сине-черную клетку. Другая – просто белая с уже начавшим желтеть изнутри воротником. Не беда, прокипятит, добавив синьки, с простынями получилось хорошо. Они приобрели приятный глазу белый цвет, отдававший чуть голубизной. Ухватившись за мелькнувшую в голове мысль, Николай открыл буфет и достал початую коробку – вчера он использовал одну таблетку. «Синька для белья.

¹⁴ Слова этой песни написал Владимир Войнович (тот самый), музыку – Оскар Фельцман. В последующем слово «закурить» заменили на «споем», но автор слышал эту песню в первом варианте.

Индиго, – сообщала надпись на упаковке. – 6 шт 30 гр». В буфете обнаружилась еще одна коробка синьки, эта непочатая.

«Цвет “индиго” – это джинсы», – вспомнил Николай. Он отправился в комнату, где достал из шкафа обнаруженный вчера белый материал. Разложил его на столе и пощупал. Плотный и довольно толстый. Для чего он понадобился матери Бори? «Дублерин¹⁵», – внезапно всплыло в голове. Слово это Лосев знал. В детстве мать учила его шить – она этим делом увлекалась. Не сказать, чтобы слишком преуспел, но строчить на машинке у Коли получалось. Лишь кроить не выходило, хотя мать показывала. Ладно, не боги джинсы шьют.

Николай убрал будильник и растянул ткань на столе. Достал из шкафа карандаш и линейку – они здесь имелись. В выдвижном ящике швейной машины нашлась сантиметровая лента из клеенки. В качестве образца Лосев выбрал треники, которые с себя стянул. Шить он будет не классические джинсы – такие явно не потянет, а штаны с резинкой. Были у него такие в прошлой жизни. Вроде как бы джинсы, хотя не они, конечно, но зато удобно. К удивлению Николая, сделать выкройку удалось сравнительно легко. Рука Бори твердо держала карандаш и легко чертила. Он почти не пользо-

¹⁵ Дублерин – прокладочный материал, который применяют при шитье верхней одежды, чтобы ткань держала форму. Думаю, не стоит объяснять, что дублерин 60-х годов отличается от современного.

вался сантиметром и линейкой – глазомер у Бори оказался отменный¹⁶. Николай таким не обладал. Не прошло и часа, как он сел за швейную машинку. Ножной привод оказался непривычным, но, в конце концов, его удалось освоить. Для начала сшил штанины, пристрочив к ним накладные карманы спереди и сзади. Боковые делать не решился – слишком сложно для него. Сшил штанины вместе. Никакой ширинки – это тоже сложно. Если вдруг приспичит, он спустит «джинсы» как трусы. Повозился чуть с резинкой – никогда не шил с ней раньше, однако получилось. Хорошо, что в выдвижном ящичке нашлась широкая резинка – узкая штаны не удержала бы. Нитки он использовал белые – желтых и оранжевых не имелось.

Завершив работу, Николай надел штаны, заценил их в зеркале. А неплохо получилось. Подойдя к столу, Лосев рассмотрел оставшийся кусок материала. Полноценной джуды¹⁷ не получится, да и сшить ее непросто. Ему – так точно. Значит, сделает жилет – вроде как армейскую разгрузку. Ну, карманы по-другому притачает, шейный вырез – выше и изящнее. В ящичке нашлась и молния – белая. Ничего, покрасит.

Пообедав той же килькой, Лосев занялся шитьем. Прово-

¹⁶ «Некоторым дебилам при задержке общего психического развития и малой продуктивности мышления свойственна частичная одарённость (вплоть до синдрома Саванта): отличная механическая память (без осмысления повторяемого), способность производить в уме сложные арифметические операции, умение рисовать, абсолютный слух и др.» Источник – Википедия.

¹⁷ Джуда – куртка из джинсовой ткани.

зился с ним до вечера. Молнию втачать – это вам не пуговицу пришпандорить. Из остатков ткани сшил матерчатую сумку. Эти вот авоськи, когда все прекрасно видят, с чем идешь из магазина... Сумка – для продуктов, а в авоське понесет картошку – кстати, надо прикупить. Отварить ее и с килечкой соленой...

Завершив работу, Николай занялся покраской. Бухнул в бак всю синьку, растворил ее в воде и неспешно, по одной, опустил в раствор пошитые вещи. Постоял над ним, аккуратно перемешивая ручкой швабры. Время от времени доставал, оценивая цвет. Густого, темного индиго у него не вышло, но синий получился. Николай отнес бак в ванную, где прополоскал одежду в холодной воде с уксусом и развесил на веревках. Завтра все разгладит.

Поужинав, послушал новости и завалился вновь читать. А чем еще заняться в этом времени? «Деньги, деньги, – думал перед сном. – Надо как-то их добыть. Только кто возьмет на работу инвалида? Группа нерабочая, а не то пенсию не получал бы. К частнику, чтоб взял без документов, не пойдешь – нет их здесь. Вагоны, что ли, разгружать? Подумаем...»

С этим он уснул.

3

День не заладился с утра – для начала не привезли хлеб. Валентина позвонила на завод. Ей сообщили, что сломалась печь. На ее ремонт ушло немало времени, но сейчас наладили, и через два-три часа хлеб будет. Прибежала заместитель и сказала: из-за хлеба покупатели бузят. Валентина мысленно выругалась и отправилась в торговый зал. У хлебного прилавка возмущались люди, терзая продавца одним и тем же бесконечным вопросом: когда свежий подвезут?

– Товарищи! – обратилась к ним Валентина. – Оставьте в покое продавца, она не виновата. На хлебозаводе сломалась печь. Ее починили, хлеб выпекут и доставят через несколько часов. Берите тот, что есть. Он вчерашний, но вполне хороший.

– Мягонького хочется, тепленького, – сказала стоявшая впереди старушка. – Что нам этот черствый?

Покупатели одобрительно зашумели. «При Хрущеве и за черствым в очередях давились. Разбаловали вас», – чуть не сказала Валентина, но вовремя спохватилась. Не стоит вспоминать. Хрущева сняли – туда ему и дорога.

– Вы в деревне росли? – спросила у старушки.

– Нет! – гордо сказала покупательница. – Коренная минчанка.

– Ну, а я в деревне, – улыбнулась Валентина. – Помню,

как мать хлеб пекла. Черный, как земля, но такой вкусный и пахучий. Пробовали?

– Правда, правда, – загомонили в собравшейся толпе. Большинство, как и Валентина, были деревенскими. Минск вытягивал в себя людей со всей республики, но большей частью – из села. – Вкусный был хлеб.

– Мать никогда не давала нам его есть горячим, – продолжала Валентина. – Как бы ни просили. Говорила, что случится заворот кишок. И мы ждали, пока хлеб остынет. Вот так, дорогие товарищи. Хотите горячего хлеба – приходите через несколько часов. А поесть – и этот сгодится. Он качественный. Вот смотрите!

Она взяла с полки кирпич ржаного хлеба, положила на разделочную доску на прилавке и лежавшим здесь же ножом разрезала поперек. Взяла половинки и продемонстрировала их покупателям стороной разреза.

– Мякиш ровный, ноздреватый. Посторонних включений и непропеченных мест не наблюдается. Корка ровно прилегает к мякишу и нигде не отстает. Режется легко, так что ничего не черствый.

Покупатели переглянулись и потянулись к кассе выбивать чеки. Лишь старушка недовольно отошла в сторонку.

– Спасибо, Валентина Алексеевна! – сказала молоденькая продавец. – Чуть меня не съели.

– Сама не могла им сказать? – вздохнула Валентина. – В училище не обучали, как с покупателями работать?

– Я так не сумею, – смутилась девушка. – Чтобы в несколько слов людей переубедить.

Валентина махнула рукой и пошла к себе. Но, едва зашла в кабинет, позвонили из торгова¹⁸. Рубщик мяса заболел и сегодня не придет. Но замену ищут, а пока торгуйте тем, что есть. Тут уж Валентина не сдержалась. Положив трубку, выругалась так, что заместитель вобрала голову в плечи. А потом еще беда подплыла. В кабинет влетела заведующая вино-водочным отделом.

– Алексеевна! – воскликнула с порога. – Там Нехайчик водки нажлуктался. Пьяный в зюю.

– Как? – оторопела Валентина. – С утра? Где он водку взял?

– Украл бутылку и распил в подсобке.

– Ну, а вы куда смотрели?

– Не заметили, – опустила голову заведующая. – Продавец обслуживала покупателей. Он тихонько вытащил из ящика и вынес под халатом.

– Что ж, веди к нему! – велела Валентина.

Грузчик обнаружился в подсобке. Он сидел на ящике из-под макарон и счастливо улыбался. Увидав директора гастронома, попытался встать, но бессильно стек обратно.

– Алексеевна! – сказал, мотнув башкой. – Я – нормально.

¹⁸ Торг – во времена СССР организация, которой подчинялись магазины. Создавались по административному принципу: на район один торг. Но были и торги ведомственные.

Час, другой – и буду как огурчик.

Валентина наклонилась и, схватив его за ворот, вздернула на ноги.

– Ты чего мне обещал, скотина! – прошипела, морщась от исходившего от грузчика перегара. – На работе чтоб ни-ни? Все, Нехайчик, лопнуло мое терпение. Увольняем по статье. Хвосты коровам будешь заносить.

Она потащила грузчика к дверям. Тот попытался упираться, но куда там! Бог Валентину силой и ростом не обидел – сама могла бы ящики таскать.

– Не злился, Алексеевна, – бормотал влекомый ею грузчик. – Я за бутылку заплачу. Ну, не сдержался трохи... Прости. В последний раз...

– В последний было в понедельник, – осадила Валентина. – Тогда ты в конце рабочего дня зенки залил, но калялся и умолял, что, мол, в последний... а сегодня уже с утра? Хватит!

Толкнув дверь, она вытащила грузчика во двор. Прислонив к стене, содрала с него рабочий халат.

– Вон! – указала направление. – И больше чтоб глаза мои тебя не видели! Трудовую книжку в торге отдадут.

– А кто продукты вам разгрузит? – спросил Нехайчик. – Хлеб скоро привезут. Мишка надорвется в одиночку. Сама, что ль, понесешь?

– Понадобится, так сама, – сказала Валентина и подтолкнула уволенного в плечи. – Пошел отсюда!

Нехайчик горестно вздохнул и заплетающейся походкой побрел от магазина. Его бросало в стороны, но он не падал, и скоро скрылся в проходе между домами. Валентина проводила его грустным взглядом. Злость схлынула, оставив сожаление. Нехайчик прав, и у нее проблема – грузчика так быстро не пришлют. В торг она, конечно, позвонит, но там пока найдут... Оклад у грузчика – 60 рублей, на заводе можно заработать вдвое больше. Люди требуются везде, у проходных объявления висят. Не напишешь ведь в своем, что зарплата в гастрономе – это далеко не все...

– Уважаемая! – окликнул ее звонкий голос. – Могу к вам обратиться?

Валентина повернула голову. Неподалеку от нее стоял пацан – нет, скорей уже юноша. Симпатичный. Одет довольно необычно: в синие штаны и такую же жилетку. Под ней – рубашка в клетку, синюю и черную. Кеды на ногах, верх тоже синий. Хм, очень стильно. Одежда явно новая.

– Обращайся, – кивнула Валентина.

– Меня зовут Борис, – улыбнулся юноша. – А вас?

– Валентина Алексеевна.

– Невольно стал свидетелем довольно неприятной сцены.

Как понимаю, вы прогнали грузчика?

– Тебе-то что? – вздохнула Валентина.

– Мог бы заменить, – ответил юноша. – Я молодой и сильный. Работы не боюсь.

Валентина присмотрелась: парень вправду крепкий. Но

очень юный.

– Лет тебе сколько?

– Восемнадцать, – сказал Борис. – Первого июля будет.

«Несовершеннолетний, – мысленно вздохнула Валентина. – В торге могут отказать. Ему же сокращенный день положен. И выглядит ухоженным. Зачем такому в грузчики?»

О чем и спросила.

– Все просто, – юноша вздохнул. – Я круглый сирота. Мать в марте умерла, отца и вовсе не было. Мне государство пенсию назначило, а опекун ее пропил. А кушать хочется. Сейчас килькой с хлебом перебиваюсь.

– Одежда на тебе богатая, – с сомнением сказала Валентина. – Костюмчик необычный.

– Вот этот? – указал он на жилетку. – Так сам пошил. Меня мама научила.

– Документы есть? – спросила Валентина.

– В квартире, – он указал на дом. – Я здесь живу.

– Приноси, – сказала Валентина. – Посмотрим. Зайдешь вот в эту дверь, а там найдешь меня.

– Я быстро, – пообещал Борис и убежал.

Явился он почти сразу же и выложил перед нею стопку документов. Валентина их поочередно рассмотрела. Так, паспорт, с ним все нормально. Свидетельство о смерти матери – парень не соврал. Метрика¹⁹... В графе «отец» – жирный прочерк. Все ясно. Мать Бори 1921 года рождения, до вой-

¹⁹ Метрикой в то время называли в обиходе свидетельство о рождении.

ны, как видно, замуж выйти не успела. А как та закончилась – стало не за кого. Погибли женихи. Валентине с этим повезло – она моложе на тринадцать лет. Ее-то парни уцелели, и муж нашелся. Мать Бори родила себе сыночка в девках – такое было сплошь и рядом. Красивый парень получился: одни глаза с ресницами с ума сведут, а он еще лицом пригожий. Воспитан хорошо – к старшим уважителен. Как с нею разговаривал! Мать, наверное, им гордилась...

– А школа? – спросила Валентина. – С нею как?

– Сейчас не до учебы, – сморщился Борис. – Вот встану на ноги и наверстаю.

«Хороший парень, – решила Валентина. – Но спешить не буду».

– Поработай у меня с недельку, – сказала, возвращая документы. – Работа здесь тяжелая, возможно, не понравится. Беру пока без оформления, плачу наличными. Но голодать не будешь, это обещаю. Согласен?

– Да, – ответил парень.

– Тогда бери халат. Пойдем, с напарником сведу...

* * *

Хлеб привезли к полудню.

К тому времени Николай успел отнести документы домой и переодеться в тренировочный костюм – не в новом же мешки таскать? Он у него – единственный, и когда другой по-

явится, неизвестно. Напарник – дядя Миша, жилистый мужчина лет эдак сорока, провел его по подсобным помещениям, показав, где и что стоит. Проинструктировал, как и что таскать, куда и по чьему распоряжению. Едва закончил, как хлеб и привезли. Они снимали с направляющих в фургоне тяжелые лотки с горячими буханками и складывали их в подсобке друг на друга.

– К прилавку после отнесем, – сказал ему дядя Миша. – Машину нужно быстро отпустить. Ей и в другие магазины хлеб везти.

Закончив, они снесли в фургон пустые деревянные лотки от прошлой партии, а после потащили хлеб в отдел. Надев специальные рукавицы, брали горячие ржаные кирпичи и раскладывали их по полкам. Провозились с этим до перерыва на обед. Хлеб пах очень вкусно, у Николая забурчало в животе, и он едва дождался окончания работы.

– Я – домой, – сказал напарнику, снимая рукавицы.

– Зачем? – удивился дядя Миша.

– Обедать.

– Тебе разве не сказали? – хмыкнул грузчик. – Всех кормят здесь, у Алексеевны таков порядок. Продавцов – за деньги, к слову, небольшие, поэтому они охотно платят. А грузчиков – бесплатно, – он улыбнулся, показав прокуренные зубы. – У нас зарплата меньше всех. И мяса два куска кладут, а не один.

– Почему? – удивился Николай.

– А чтобы ты в холодильную камеру не заскочил и не жрал там колбасу, – заржал напарник. – Алексеевна – баба с головой.

Кормили, и вправду, сытно. Борщ на бульоне с кусочками свинины, говядина в кисло-сладком соусе с картофельным пюре, компот из сухофруктов. Говядины Борису с дядей Мишей, как тот и говорил, положили два куска. Все было очень вкусно, и Лосев жадно ел, стараясь делать это аккуратно. Закончив, уловил на себе заинтересованные взгляды. Смотрели молодые девушки и женщины постарше, но еще вполне в соку. По меркам Лосева, конечно, а не Бори.

– Где вы отыскиали такого грузчика, Валентина Алексеевна? – спросила пухлая блондинка с приятным бюстом. Размер примерно третий, как прикинул Лосев. – Красавчик, хоть в кино снимай.

– Сам на работу попросился, – ответила директор. Она сидела с ними за одним столом, что Николаю понравилось – не ест отдельно в кабинете. – Парень – сирота. Мать у него недавно умерла, а батьки нету. Посмотрим, как работать будет. Понравится – возьмем на постоянную.

– Берите, – блондинка облизала губы. – В нашем бабском коллективе такого очень не хватает.

Все дружно рассмеялись.

– Смотри мне, Клава! – директор погрозила кулаком. – Не порти парня. Ему всего семнадцать.

– И что? – нисколько не смутилась Клава. – Женилка вы-

росла, наверное. Я бы посмотрела.

За столом захохотали, директор покачала головой. Смеясь, все встали с лавок и стали расходиться. Две женщины собрали грязную посуду, сложив алюминиевые миски и приборы в такую же кастрюлю с ручками. На ней имелась надпись краской – «столовая». «Еду сюда привозят, – понял Николай. – Директор, и вправду, молодец, организовала для людей».

– Покурим? – предложил ему напарник, достав из кармана пачку «Примы».

– Я не курю, – ответил Николай. – Но с вами посижу, если не против.

– Сиди, – согласился дядя Миша.

Они вышли во двор, где примостились на ступеньках, ведущих к входу в магазин – служебному, конечно. Для покупателей он с улицы. Напарник чиркнул спичкой, прикурил и, затянувшись, выпустил клуб дыма.

– Пристали к тебе бабы? – хмыкнул, сплюнув. – Ты не тусуйся, Боря. Это магазин. Тут есть такие... – дядя Миша засмеялся. – Вот Клавку взять. Баба – разведенка. У ней же там так чешется – на стенку лезет. А где найдешь? В магазине пара мужиков была: я да Нехайчик. Так я семейный, а Нехайчик – алкоголик. Такому баба не нужна, ему лишь бы выпить.

– Мужчин вокруг хватает, – удивился Лосев.

– А где найти? – не согласился дядя Миша. – На танцы не

пойдешь – там девки молодые, а Клавке скоро тридцать²⁰.

– Среди покупателей есть мужчины.

– Клавка на мясе стоит, – покачал головой напарник. – Его, в основном, женщины берут. Мужик если подойдет, так женатый. Холостые колбасу берут или пельмени. Им готовить лень. Еще толкутся в винно-водочном, да те большей частью – пьянь. Толку от них... – он махнул рукой. – Клавка не одна такая, есть другие разведенки. Ты держись от них подальше.

– Почему?

– Глазом не моргнешь, как охомутают. Бабы тертые. У тебя ж квартира есть?

– В этом доме, – подтвердил Николай. – Во втором подъезде. Одна комната, но она большая. Спальня за перегородкой.

– А-а, полуторка²¹, – кивнул напарник. – Ты жених с квартирой, потому завидный. Они все по общагам обретаются, редко у кого комната при общей кухне. Ты, пацан, не знаешь баб. Даст раз тебе, и ты довольный. Хочешь продолжения – женись. Вот так, Боря.

²⁰ Пусть это вас не удивляет. В то время замуж выходили рано, девушка в 25 лет уже считалась «старухой». Специальные вечера для «тех, кому за тридцать», стали проводить намного позже. Оставались рестораны, кинотеатры и просто театры. Но туда обычно приходили парами, так что проблема существовала.

²¹ Полуторкой в то время называли однокомнатные квартиры с большой жилой комнатой, которая обычно имела маленькую спальню за перегородкой без окон или же с одним окном.

Дядя Миша выбросил окурок. «Это мы посмотрим, – мысленно хмыкнул Николай. – Как меня окрутят. Я пацан лишь только с виду». Вслух спросил другое:

– Почему вы тут работаете, дядя Миша? Ведь зарплата небольшая.

– Так живу тут, – напарник показал рукой. – За этой улицей – пустырь, дальше – частный сектор. Есть дом свой и хозяйство. Встал, пять минут пешком – и на работе. К тому же я не продавец, и весь день торчать в магазине мне не надо. Машины разгрузил – свободен, пошел домой хозяйством заниматься. Есть и другая выгода, но знать тебе о ней пока что рано. Пойдем! – он глянул на часы. – Машины сейчас приедут...

После обеда разгружали молоко. Его доставили в ящиках из толстой проволоки. Внутри – гнезда для бутылок. Таскали их крюками из стального прутка с ручкой в форме буквы «О». Им цепляли нижний ящик и волокли по цементному полу стопку, придерживая верхний ящик левой рукой. Не дай бог, стопка рухнет и бутылки разобьются! Было тяжело, но Лосев справился. Но не успел передохнуть, как привезли вино в таких же ящиках – и вновь тащи. Он чуть не сдох. Если молока было считанные стопки, то вина доставили фургон, и оно все не кончалось.

– Зачем же столько? – спросил Лосев у напарника, когда всю машину разгрузили. Он был весь мокрый и хватал воздух ртом.

– Разберут за два часа, – хмыкнул дядя Миша. Он достал из ящика полулитровую пивную бутылку, запечатанную белой жестяной пробкой. – Видишь? – ткнул пальцем в этикетку.

– Биле мицне, – прочел Лосев.

– Биомицин, – ухмыльнулся напарник. – Семнадцать оборотов²², 98 копеек за бутылку. На вкус приятное и мягкое²³, можно пить из горла и не закусывать. А водка дорогая – два восемьдесят семь за пол-литра.

Напарник как в воду глядел. Не успели они затащить в винно-водочный отдел ящики с «биомицином», как к прилавку выстроилась очередь, и она все росла. Складывалось впечатление, что у местных пьяниц работает своя система оповещения²⁴. Грузчики упарились таскать сюда ящики с вином, а обратно – опустевшие. Наконец, «биомицин» закончился, о чем продавец объявила покупателям.

– Не бреш! – заорал стоявший у прилавка мужичонка с багровым носом и подбитым глазом. Выглядел он уже под-

²² То есть градусов. Выражение «обороты» появилось от сокращения «об.» на этикетке, означавшего «объемных».

²³ Много позже автор узнал, что популярное в СССР украинское «Біле міцне» производилось из высококачественного виноматериала, по какой-то причине не подошедшего для шампанского. Это вам не «Солнцедар»! Вкусное было вино, хотя и крепленое.

²⁴ Район улицы Седых и прилегающих кварталов в советское время был еще тем гадючником с большим числом алкоголиков. И они, таки да, как-то мигом узнавали о появлении в продаже вожделенной жидкости.

датым. – Есть еще! Сховали для своих. Покажи подсобку.

Он попытался обойти прилавок, но дорогу ему преградил дядя Миша.

– Посторонним нельзя, – заявил сурово. – Сказано: кончилось, значит, кончилось.

– Да я тебя!..

Мужичонка схватил грузчика за грудки и воткнул спиной в прилавок. Дядя Миша вскрикнул. Николай, метнувшись к ним, без размаха засадил буяну в печень. Тот охнул и выпустил напарника. Николай завернул ему правую за спину, а другой рукой сдавил горло воротом.

– Пусти! – просипел мужичонка.

– Как напарник скажет, – хмыкнул Лосев. – Ты его о прилавок спиной ударил. Его, может быть, в больницу повезут. А тебя – в тюрьму. Срок ты заработал.

– Я не буду больше! – взмолился мужичонка. – Зуб даю!

– Отпусти, – сказал напарник. – Ничего он мне не отбил.

– Ладно.

Николай разжал ладони. Мужичонка отскочил и потер рукою горло.

– Здоров же ты, пацан! – произнес, качая головой. – Вмиг меня скрутил.

– У меня разряд по самбо, – ухмыльнулся Николай. – А еще по боксу. Хочешь испытать еще – милости прошу.

– Нет уж, на хрен, – отказался мужичок. – Лучше подтверди: вино и вправду все? Ты здесь новый человек, до сих пор

тебя не видел, гнать пургу не будешь. Мишка-то совет и не поморщится.

– Кончилось, – ответил Лосев. – И слава богу. Заманались ящики таскать.

– Понял.

Мужичонка повернулся и ушел. Следом рассосалась очередь.

– Ты и вправду самбо знаешь? – спросил напарник, когда они унесли в подсобку опустевшие ящики.

– Нет, конечно! – засмеялся Лосев. – Но его нужно было напугать.

– Это Васька-охламон, – вздохнул напарник. – Его все тут знают. Мы с ним на одной улице живем. Месяц, как из колонии вернулся, пропивает все, что заработал за решеткой. Деньги кончатся – что-то украдет и снова сядет.

– Украл, выпил – и в тюрьму²⁵? – улыбнулся Николай. – Романтик.

– Дурак он, – покачал головою дядя Миша. – И не лечится...

Ближе к двадцати часам Лосева позвала к себе директор.

– Это за работу, – она выложила на стол трешку. – Это – чтоб поесть, – на столешницу лег круг полукопченой колбасы, завернутый в бумагу. – Ну, а это премия, – рядом с ней встала уже знакомая бутылка с «биомицином».

²⁵ Цитата из фильма «Джентльмены удачи». Снят в 1971 году, поэтому здесь она пока неизвестна.

– Я не пью! – замотал головою Николай.

– Бери! – приказала Алексеевна. – Сам не пьешь, так кого-то угостишь. Заслужил. Не разбили ни одной бутылки – это раз. С хулиганом разобрался – не пришлось в милицию звонить. Ну, а та пока еще приедет, – сморщилась она.

– Что ж, спасибо.

Николай сунул в карман трешку, колбасу и бутылку взял в руки. Сумку захватить он не догадался.

– Завтра приходи к восьми, – сказала Алексеевна...

У подъезда Николая стопорнула сидевшая на лавочке Пантелеевна.

– Никак, пить начал? – спросила осуждающе. – А такой хороший мальчик...

– Да с чего вы взяли? – удивился Лосев.

– Вот! – соседка указала на бутылку.

– Это премия, – ответил Николай. – Я тут в магазин устроился работать, ящики таскаю. Ни одной бутылки не разбил, вот и дали. Пить вино не буду.

– Ну, так мне продай! – предложила Пантелеевна. – Рубль заплачу.

– Забирайте! – улыбнулся Лосев.

– Как дадут еще, скажи, – сказала Пантелеевна, рассчитавшись. – Я возьму.

– Ладно, – согласился Николай.

Дома он с наслаждением встал под душ, сменил белье и переделался в сшитый им костюм. Трико следовало постирать

– пропотело и запачкалось. Запасного не имеется. С одеждой нужно что-то придумать. На кухне Николай поел вкуснейшей колбасы и хлеба, запив их чаем. Жизнь была хороша. Работу он нашел, причем в своем же доме. Там платят деньги, да еще и кормят. В его положении лучшей не найти. Отсюда вывод: нужно постараться, чтоб оставили.

Он постирал трико и повесил на змеевик в ванной. К утру подсохнет. Халат стирать не стал: наставник просветил, что в этом нет нужды. Испачкается – выдадут другой, а этот отвезут с другими в прачечную. Рабочим так положено. Читать на ночь Николай не стал – устал, хотелось спать. Он завел будильник и полез под одеяло...

* * *

Совещание заканчивалось. Валентина и заведующие отделами обсудили план по выручке на предстоящий месяц. Доведенные из торга показатели выглядели напряженными, но реальными. Главное, чтобы торг подбрасывал ходовой товар. То же «Биле мицне», например. Или дешевой колбасы – за ней выстраивались в очередь. Молоко чтоб свежее возили. Покупатель привередливый пошел; как что не так, так пишет жалобу, а за них лишают премии.

– Мне твердо обещали, что продукты дефицитные будут, – сказала Валентина. – Вы, главное, старайтесь. Продавцы пусть улыбаются покупателям и обслуживают их культур-

но. Это всех касается, а тебя – особо, – она посмотрела на заведующую мясным отделом. – Опять там Клавка отличилась – обругала покупателя.

– Он требовал продать ему мясо без костей, – заведующая поджала губы. – Это не положено.

– Так объяснили бы.

– Ему сказали, он в ответ – орать. Тут Клава не сдержалась.

– Назвала дураком и гусаком, – подхватила Валентина. – А он потребовал жалобную книгу. Пришлось дать.

– Настоящую или нашу²⁶? – спросила заведующая.

– Нашу, разумеется, – сказала Валентина. – Но он сказал, что придет проверить, как отреагировали. Я Клавке выговор туда вписала, ты ей скажи. Он может подойти к ней, чтобы позлорадствовать, а она и знать не будет. Он заподозрит и напишет жалобу, теперь уже в торг. Человек паскудный, таким только доносы сочинять. А торг отреагирует – лишит нас премии. Понятно? Намыль своей лахудре голову! Пусть держит язык за зубами!

– Намылю, – кивнула заведующая и вздохнула: – Мужика бы ей! Бесится же баба.

– Мужиков у меня на складе нет, – сказала Валентина. – Сама пусть ищет. Кстати. Как вам грузчик новый?

²⁶ Обычный фокус торговли тех времен: магазин имел две жалобные книги. В одну, оформленную по всем правилам, покупатели писали благодарности. В другую, поддельную, жалобы. Начальству, разумеется, показывали первую книгу.

– Хороший парень, – ответила заведующая винно-водочным отделом. – Вежливый, старательный. Заглянет к нам в отдел, увидит ящики пустые, соберет и утащит. И звать не надо. Никто так никогда не делал.

– Мешки таскает, слова не сказав, – поддержала заведующая бакалеей. – Девчонка прибежит и скажет: «Боря, надо», он и принесет.

– А Михаил? – подняла бровь директор.

– Так нет его частенько, – ответила заведующая. – Разнес с утра – и к себе домой. Боря же сидит. Если и уйдет, так здесь же, в доме. Номер квартиры нам сказал. Пошлешь за ним, он прибежит. Ни разу никому не отказал. У грузчиков, в отличие от продавцов, вы сами знаете, рабочая неделя с двумя выходными²⁷. У нас – посменно. Грузчик утром к восьми часам пришел и в пять вечера уже свободный. В остальное время ты сама мешки таскай. Вдруг продукты поздно привезут, разгрузить же надо? Михаил в таких случаях ругается, хотя все ж приходит. Боря слова не сказал.

– К девочкам не пристаёт? – спросила Валентина.

– Скорей, они к нему, – улыбнулась заведующая мясным отделом. – Только Боря им не поддается, в ответ улыбается и шутит. Анекдот может рассказать.

– Анекдот? – насторожилась Валентина. Анекдоты – дело

²⁷ Рабочая неделя с двумя выходными была введена в СССР 7 марта 1967 года, но она составляла 41 час вместо прежних 42-х, потому периодически устраивали рабочие субботы.

нехорошее, если они про советскую власть.

– Про Чапаева и Петьку²⁸, – хихикнула заведующая.

– Расскажи!

– Приходит Петька к Чапаеву и говорит: «Василий Иванович, отгадай загадку: два кольца, два конца, посередине – гвоздик». «Это жопа, Петька», – отвечает Чапаев.

Женщины прыснули.

– Погодите! – покачала головой рассказчица. – Это лишь начало. Слушайте дальше. «Что ты, Василий Иванович! – удивился Петька. – Это ножницы». «Не поверю, – говорит Чапаев. – Загадай еще!» «Без окон, без дверей, полна горница людей». «Это точно жопа, Петька!»

Слушательницы засмеялись. А заведующая продолжала:

– «Нет, Василий Иванович, – отвечает Петька. – Это огурец». «Дурацкие у тебя загадки, – говорит Чапаев. – Пойду Фурманову загадаю». Находит, значит, Фурманова и предлагает: «Отгадай, комиссар, загадку, Петька мне ее принес. Так что слушай: без окон, без дверей, полна жопа огурцов...»

Женщины захохотали. Смеясь, мотали головами и вытирали слезившиеся глаза платочками. Заведующая выждала, пока они утихомятятся, и продолжила:

– «Дурацкая у тебя загадка, Василий Иванович, – говорит Чапаеву Фурманов. – Невозможно ничего ответить». «Вот и я думаю, что дурацкая, – соглашается Чапаев. – Только Петька говорит, что это ножницы».

²⁸ В это время анекдоты про Чапаева начали победное шествие по СССР.

Новый взрыв смеха чуть не обессилил слушательниц.

– Нам он про грузина рассказал, – сообщила заведующая винно-водочным отделом. – Дело было так. Приходит в ресторан грузин и говорит официантке: «Дай мне список блюд». «Меню, что ли?» – спрашивает официантка. «И тебя тоже», отвечает грузин.

На мгновение в кабинете повисла тишина: все не сразу уловили соль рассказанного. Но потом вновь дружно рассмеялись.

– Весельчак у нас пацан, – сказала Валентина. – Будем брать на постоянку?

Женщины дружно закивали.

– Ну, тогда закончили. Галя, позови Бориса...

Не прошло минуты, как в кабинет директора вошел юный грузчик.

– Присаживайся, Боря, – Валентина указала на стул. – В коллективе тебя хвалят, да и я довольна. Будем брать тебя в штат.

– Спасибо, Валентина Алексеевна, – ответил Борис.

– На здоровье. Я сейчас дам тебе бумагу, ты напишешь заявление. Отвезешь его в торг, там получишь направление в поликлинику по месту жительства. Пройдешь в ней обследование и получишь медицинскую книжку.

– Это обязательно?

Парень выглядел ошеломленным.

– Ну конечно! – удивилась Валентина. – Мы продуктами

торгуем. Что не так?

– Я вам лучше покажу, – ответил грузчик и вскочил со стула...

– Твою мать! – сказала Валентина, пробежав глазами принесенную им справку. Пролистнула и бросила на стол удостоверение инвалида. – Что ж ты сразу не сказал?

– Вы б меня не взяли, – он вздохнул.

– А теперь подавно не возьму.

– Валентина Алексеевна! – посмотрел он умоляюще. – Вот скажите честно: я нормальный человек?

– Абсолютно, – кивнула Валентина. – Только здесь написано: дебил.

– Врачи могут ошибаться...

– Это вряд ли, – покачала головой директор.

– Пациент может поправиться, – не смутился парень. – Я начал умнеть, когда мама заболела. Словно мне глаза промыли. Постепенно ощутил себя нормальным. Мама очень радовалась и меня учила. Говорила, что диагноз нужно снять. Только мы с ней не успели, – он вздохнул. – Сам же я не знаю, как это сделать.

Валентина на мгновение задумалась. Боря точно не дебил, в этом у нее сомнений не было. Поменять диагноз? Это не проблема, если знать, к кому за этим обратиться. Нет, можно парня и прогнать. Только грузчика поди найди, а Бориса уже принял коллектив. Она не хотела признаваться: парень ей пришелся по душе. Не как мужчина, разумеется, а как

младший брат. Он был у Валентины, но умер от болезни в 43-м. Сгорел Васятка за неделю... Война, какие там лекарства с докторами? Она его любила и очень плакала на похоронах. А больше братьев не случилось: отец погиб, у матери остались только девки...

– Иди, работай! – сказала парню. – Подумаю, как тут помочь. Бумаги эти заberi и никому о них не говори. Понятно?

– Спасибо! – он вскочил и собрал бумаги.

– Спасибо после скажешь, – ответила директор. – Как дело будет сделано...

Красно-желтый трамвай, дребезжа и постукивая колесами на стыках рельсов, полз от разворотного кольца к улице Якуба Коласа. Кольцо располагалось напротив гастронома, в котором работал Николай, и со ступенек у входа в магазин было видно, как трамвай подъезжает к диспетчерской, замирает ненадолго, а затем отправляется по маршруту. Но сейчас Николай ждал его на остановке – предстояла поездка в психоневрологический диспансер. Алексеевна рассказала, как туда доехать и к кому там обратиться, а заодно – как себя вести. Николай испытывал небольшой мандраж. Как там дело повернется?

Подошел трамвай, распахнулись двери. Лосев поднялся по ступенькам, приобрел билетик у кондуктора, заплатив три копейки, и сел у окна. Шел десятый час утра, будний день, пассажиров мало. Трудится народ. Это перед сменой, а затем, по окончании ее, в транспорт не пробиться. Так ему сказала Алексеевна. Сам же Лосев ехал на трамвае в Минске в первый раз. До сих пор как-то не случалось – просто было незачем.

Дребезжа стальными сочленениями, трамвай неспешно полз по рельсам, Николай смотрел в окно. Улица Седых, где он жил, находилась на окраине, а сейчас он ехал в центр. Открывавшиеся виды не внушали. Кое-где стояли новые дома

и строительные краны, остальное выглядело блекло. Частный сектор с серыми домами и заборами, двухэтажные бараки и сортиры во дворе. Улицу, по которой шел трамвай, покрывал потрескавшийся асфальт с выбоинами. Выходившие на нее другие «направления» кое-где имели мостовые из булыжника. Транспорта на улицах немного, в основном – грузовики. Все – капотные, с деревянными бортами или же фургоны с тентом. Иногда обитые металлом. Легковые автомобили большей частью старые, попадались даже «эмки». Николай их видел в фильмах про Великую Отечественную войну. Были и «Победы», а еще – «Москвичи» и «Волги» – 21-е, конечно. Некоторые несли на капоте блестящую фигурку оленя. Николай знал, что такие машины – редкие²⁹. В прошлой жизни побывал на выставке ретроавтомобилей, там ему и рассказали. Ну, а здесь – пожалуйста, катаются.

Трамвай вполз в плотную застройку. Двух-, трех- и пятиэтажные дома, сложенные из кирпича и оштукатуренные. Приближался центр города, как понял Николай. Появилась площадь – продолговатая, большая³⁰. Удивительно, но даже здесь выходящая на нее с правой стороны улица несла булыжное покрытие³¹.

²⁹ Редкие они сейчас. Фигурку оленя «Волга» потеряла в 1961 году.

³⁰ Площадь Якуба Коласа. В ту пору на ней еще не было величественной скульптурной группы, посвященной классику белорусской литературы, и подземного перехода. См. на фото в Доп. материалах.

³¹ Улица Веры Хоружей. Асфальт на ней появился позже. А известный Комаровский рынок представлял собой небольшую грунтовую площадку, где неред-

Трамвай пересек Ленинский проспект, выбрался на улицу Первомайскую, покатил по ней. Остановок никто не объявлял, и Николай ориентировался по названиям улиц, которые считывал с табличек на домах. Красноармейская, Энгельса и Ленина. Следующая – стадион «Динамо». Здесь он вышел и, вертя головой по сторонам, чтобы под колеса не попасть, пересек улицу перпендикулярно стадиону. Никаких знаков перехода не имелось, как и светофоров – даже в центре. Движением управляли регулировщики с палочками в белых кителях, фуражках и перчатках.

Табличка на стене дома подтвердила, что он вышел на Октябрьскую. Посреди нее бежали рельсы, только Лосев ждать трамвай не собирался и пошел по тротуару – время позволяло. С левой стороны тянулись производственные здания, сложенные из кирпича, и похоже, что еще до революции. Выглядят весьма уныло, хотя жизнь кипит: из ворот ближайшего завода выезжали грузовики. В кузовах он рассмотрел знакомые ящики с бутылками – водочку везут³². Кто попотеет, разгружая. Алексеевна нашла ему подмену на этот день, ну, а завтра... Все зависит от итогов встречи.

Наконец он подошел к нужному зданию. Вывеска у входа сообщала: «Республиканский психоневрологический дис-

ко торговали с телег. Эти и другие интересные факты из истории Минска представлены автору писателем Анатолием Матвиенко. Он жил в ту пору в Минске и хорошо его запомнил.

³² ГГ проходит мимо головного предприятия знаменитого белорусского «Кристалла».

пансер»³³. Николай поднялся по ступенькам и, открыв дверь, ступил в холл. К регистратуре подходить не стал: если ему правильно сказали, это не потребуется. Он поднялся на второй этаж и, найдя нужную дверь, постучал в дубовое полотно.

– Да? – раздалось из-за двери.

Николай потянул ручку на себя и вошел. В небольшом кабинете за столом, заваленным бумагами, сидел мужчина средних лет, ни в малейшей мере не походивший на образ профессора из фильмов. Ни очков, ни встрепанных волос. Круглое лицо, лысина, двойной подбородок, набегавший на рубашку. Он почти скрывал узел шелкового галстука.

– Здравствуйте, – сказал Лосев. – Вам насчет меня звонили. Я – Борис Михайлович Коровка.

– Было, вроде, – протянул толстяк, почесав висок у края лысины. – Только что конкретно, не запомнил. Что-то там не так с диагнозом.

– Именно, Семен Прокофьевич, – подтвердил Лосев. Как зовут профессора, он прочел на табличке на дверях.

– Проходите, – указал на стул хозяин кабинета. – Документы принесли?

Николай выложил на стол паспорт, справку и удостоверение инвалида.

– Любопытно, – произнес профессор, все их рассмотрев. – Не согласны, значит, вы с диагнозом?

³³ В ту пору диспансер располагался на улице Октябрьской, а не Бехтерева.

– Он ошибочный, – ответил Николай.

– Сомневаюсь, – собеседник покрутил лысой головой. –

Мы в таких делах не ошибаемся.

– Но проверить можно?

Николай вытащил из лежавшей на коленях сумки бутылку коньяка и палку копченой колбасы. Взять их посоветовала Алексеевна, заплатил он сам. Николай выложил гостинцы перед профессором. Тот одобрительно хмыкнул, рассмотрев этикетку на бутылке. Затем вытянул ящик стола и сложил в него угощение. Взамен достал картонную папку и извлек из нее потрепанный листок с машинописным текстом.

– Прочитайте, а затем перескажите собственными словами³⁴.

Николай пересказал. Профессор почесал в затылке и достал другой листок. На нем хаотично были разбросаны линии и геометрические фигуры.

– Расскажите, что вы видите³⁵?

– Вот ворона на кусте, – указал пальцем Николай. – Это девушка смотрит вдаль. Грустная чего-то. Здесь, похоже, ящерица...

– Гм, – сказал профессор. – Ну, а здесь?

Он протянул другой листок. Николай не выдержал и рассмеялся.

– Что смешного? – удивился хозяин кабинета.

³⁴ Тест, обычно непосильный для дебилов.

³⁵ Тест на воображение. У дебилов оно отсутствует.

– Извините, анекдот пришел на память.

– Расскажите! – предложил профессор.

– Психиатр показывает пациенту листок с треугольником и просит сообщить, что он видит на рисунке. «Палатка, а в ней мужчина и женщина занимаются любовью». «Хм! – произносит доктор. – Ну, а здесь?» Он показывает рисунок с квадратом. «Это кровать, на которой двое занимаются любовью». «А вот это?» – психиатр демонстрирует круг. «Это иллюминатор корабля, а в каюте двое занимаются любовью». Врач рисует на листке зигзаг: «Ну, а это что?» «Доктор! Да вы просто сексуальный маньяк!» – отвечает пациент.

Собеседник хрюкнул и захохотал.

– Я в такой интерпретации этот анекдот еще не слышал, – сообщил, перестав смеяться. – Говорят обычно так: «Что-то у вас все мысли о разврате, батенька», – замечает психиатр. «Сами виноваты: для чего похабные картинки мне показываете?» – отвечает пациент. Вы откуда про маньяков знаете?

– Так читаю много, – выкрутился Лосев. – Я люблю читать.

– Ясно, – покивал головой профессор. – Что ж, могу обрадовать: никакой вы не дебил, Борис Михайлович. На своем веку я их повидал. Ни единственного признака, говорящего об умственной отсталости. Почему поставили такой диагноз? – ткнул он пальцем в справку. – Странно.

– Может, я поправился?

– Невозможно, – покачал профессор головой. – Органи-

ческое поражение мозга исцелению не подлежит. Но могла быть временная задержка в умственном развитии. И бывает, что она проходит, хотя это редко. Вы хотите снять диагноз?

– Да, – ответил Николай. – Я хочу работать, получить образование, стать полезным членом общества.

– Что ж, похвально, – оценил хозяин кабинета. – Мы поступим так. В 14 часов соберется наша ВТЭК³⁶. Напишу вам справку об осмотре и подам на рассмотрение. Попрошу принять вас первым. Приходите. Заседание на третьем этаже.

– А диагноз точно снимут? – не поверил Николай.

– Обижаете, Борис Михайлович! – укорил его профессор. – Мое слово что-то значит в этом заведении. И еще открою вам секрет. Почти все из числа пациентов, приходящих к нам на ВТЭК, просят дать им инвалидность, а не снять ее.

– Для чего? – удивился Лосев.

– Пенсия и другие льготы, – улыбнулся собеседник.

– Если инвалидность снимут, можно сделать так, чтобы в документах не осталось и следов диагноза? – поинтересовался Лосев.

– Для чего вам это?

– Бывшего дебила в армию могут не призвать. Не служивших девушки не любят, замуж за меня не выйдут³⁷. И с уче-

³⁶ ВТЭК – врачебно-трудовая экспертная комиссия. Занималась установлением инвалидности и другими связанными с ней делами. В описываемое время в СССР уже имелись специализированные психиатрические ВТЭК.

³⁷ Это так. В СССР не служивших в армии мужчин девушки не жаловали. Их считали подозрительными – есть проблемы со здоровьем.

бой могут быть проблемы.

– Что ж, резонно, – согласился профессор. – Я подумаю, что можно сделать.

Николай поблагодарил и вышел. Стрелки на часах в холле показывали 11. Времени вагон, можно погулять по городу, чем Лосев и решил заняться. Опоздать он не боялся. Наручных часов у Бори не имелось, но хватало городских, предназначенных для всех. Он успел заметить это по пути к Октябрьской. В крайнем случае, спросит у прохожего – это удивления не вызовет. Не один он ходит без часов³⁸.

Он дошел до железнодорожного вокзала, побродил по Привокзальной площади и, спросив дорогу, вышел на другую. Полюбовался бывшей церковью из красивого красного кирпича, заглянул на Главпочтамт. Писем посылать не стал, потому как некому, а приобрел газету. Полистал ее на лавочке в сквере возле «Фабрики заготовочной»³⁹, где имелись ресторан и столовая. Пообедал в ней, заплатив полтинник за три блюда: суп картофельный с мясом, котлета с кашей и компот. Сытый и довольный отправился обратно.

Возле нужной ему двери с табличкой «ВТЭК» сидели ждущие приема – в основном, матери с детьми. Посмотрев на лица деток, Лосев понял: инвалидность им дадут – сам такой недавно был. Та неправильность в его лице, что он ви-

³⁸ Характерная примета того времени. Свои часы имели не все. Поинтересоваться у прохожего, который час, можно было запросто.

³⁹ Нынешний ресторан «Папараць-кветка» («Цветок папоротника») в Минске.

дел в зеркале после переноса, через день сошла на нет. Кто б иначе принял его грузчиком? Николай тихонько встал в сторонке возле двери в кабинет. Его снова бил мандраж. Да, профессор обещал, но комиссия что скажет?

Распахнулась дверь, из нее выглянула пожилая женщина в белом халате.

– Есть Коровка? Заходите.

Николай последовал за ней. Посреди большого кабинета, где он оказался, находился стол, и за ним сидели трое докторов в белых халатах. Среди них Николай узнал профессора. Тот был с краю. В центре восседал мужчина средних лет с суровым выражением лица. «Он, похоже, главный, типа – председатель» – понял Лосев.

– Проходите и садитесь, – председатель указал на стоявший перед ними стул. Николай поблагодарил и занял место.

– Так, товарищи, – произнес «суровый», положив перед собой бумаги. – Борис Михайлович Коровка, год рождения 1949-й. Обратился с просьбой снять диагноз вместе с инвалидностью. Был обследован профессором Петровым. Заключение: полностью здоров. Подтверждаете, Семен Прокофьевич?

– Да, – кивнул профессор. – У меня сомнений нет.

– А вот я имею, – хмыкнул председатель. – Не припомню, чтобы мы снимали дебилизм. Органическое поражение мозга не проходит просто так.

– У Коровки его не было, – возразил Семен Прокофье-

вич. – Так я полагаю. Временная задержка в умственном развитии. У детей случается. Пациента нужно было наблюдать, а ему поставили диагноз и на том успокоились.

– Инвалидом его ВТЭК диспансера признала, – не угомонился вредный главный. – Пусть не мы подписывали этот документ, – он поднял бумажку, – но ответственность несем. Вдруг ошибка? Сами знаете, как внушаемы дебилы. Подобьют его на преступление, а за это спросят с нас.

«Счас завалит, бюрократ трусливый, – подумал Николай. – И тогда – хана. Вот же сволочь!»

– Ну, его не подобьешь! – возразил профессор. – Хитрован Коровка, да еще какой. Анекдот мне рассказал, да к тому же в тему. Для дебила это невозможно. Нужно снять. Сделаем хорошее дело, Валентин Владленович. Пусть парень работает и приносит пользу обществу. Показатель инвалидности, опять же, снизим.

– Анекдот? – задумался главнюк. – Я хотел бы слышать.

– И какой вам рассказать? – поинтересовался Лосев.

– А вы их много знаете?

– Сотни.

Николай не врал. По слиянию сознаний память его стала как компьютер. Он прекрасно помнил все из прошлой жизни, в том числе и анекдоты.

– Про врачей не надо! – поспешил профессор.

– Пусть расскажет про себя, – ехидно улыбнулся председатель.

Если он хотел смутить «дебила», то старался понапрасну: Николай почувствовал приступ злости. Он ему расскажет!

– Про коровок, значит? – уточнил заказ Лосев. – Что ж, такие знаю. Вот вам первый. Зоотехник сделал искусственное осеменение корове. Та поворачивает голову и смотрит на него неодобрительно. «Чего тебе еще?» – спрашивает зоотехник. «А поцеловать?»

Первым прыснул третий член комиссии – пожилой мужчина, сидевший по другую сторону от председателя. Следом хохотнул профессор. Председатель не смеялся, но улыбки не сдержал.

– А еще?

– Корова лезет на березу. Мимо пробегает лиса. «Ты зачем сюда забралась?» – спрашивает у коровы. «Яблоко поешь». «Дура, это же береза!» «А у меня с собой...»

Пациенты, ожидавшие своей очереди на прием, с удивлением прислушивались к громкому хохоту, доносившемуся из-за двери кабинета ВТЭК. Наконец, он стал стихать. Распахнулась дверь, и наружу вышел вызванный первым парень. Он счастливо улыбался, прижимая к груди лист бумаги. Встав в сторонке, прочитал ее внимательно и вскинул руку с кулаком:

– Йес!..

Поймав на себе удивленные взгляды, он смутился и сунул дорогой ему листок в сумочку из синей ткани. После чего удалился торопливым шагом...

Тем же вечером в кабине главного врача диспансера собрались все трое психиатров. Профессор отогнул полу белого халата и вытащил из кармана брюк бутылку коньяка. Водрузил ее на стол. Следом появилась палка колбасы.

– Хорошо живете! – заметил главный врач, он же председатель ВТЭК. – «Арарат», пять звездочек. И колбаска недешевая.

– Их Коровка мне принес, – сообщил Семен Прокофьевич. – Попросил помочь. Надо бы заняться.

– Так диагноз сняли, – удивился председатель.

– Он просил, чтобы в документах не осталось упоминания о дебилизме. В поликлинике и военкомате.

– А не многого хочет?

– А чего теряем? – подключился третий член комиссии. – Он ведь не в космонавты собирается, как я предполагаю?

– Да куда ему без образования, – подтвердил профессор. – Будет грузчиком работать в магазине – так мне сообщили.

– Вот за грузчиков и выпьем, – предложил член комиссии. – Два письма за вашей подписью, Валентин Владленович, стоят «Арарата». И колбаска хороша – так и хочется попробовать. Вы согласны?

– Разливайте, – согласился главный врач...⁴⁰

⁴⁰ В то время никаких запретов выпивать на рабочем месте не существовало. Они появились позже.

На работу утром Лосев шел в отличном настроении. Воротившись из диспансера, он порадовал директора приятной вестью, написал заявление о приеме на работу и отвез его в торг. Там же получил направление в поликлинику для оформления медицинской книжки. Он пройдет обследование за день – директор обещала. Жизнь налаживается.

У служебного входа в магазин курил напарник. Выглядел он хмуро.

– Что случилось, дядя Миша? – удивился Николай.

– Ты, что, радио не слушаешь? – буркнул тот.

– Не включал сегодня утром, – повинулся Николай. Радиоточку он не слишком уважал, хотя здесь ее почти не выключают. В шесть часов утра вещание открывает гимн СССР. К тому времени люди обычно на ногах. Дальше новости – однотипные, как патроны в магазине, а потом – концерты, постановки... В полночь снова гимн и перерыв в вещании. Николаю это быстро надоело – тот же телевизор в прошлой жизни, только без изображения.

– Комаров разбился⁴¹, – просветил напарник. – Парашюты подвели. Первый не сработал, во втором скрутились стропы.

«Это кто?» – Николай едва сдержал вопрос. Комаров –

⁴¹ Космонавт Владимир Комаров погиб 24 апреля 1967 года. Сообщение об этом опубликовали 25 апреля.

советский космонавт. В космос полетел два дня назад. Николай слышал об этом в новостях, но внимания не обратил. В его время полеты на орбиту никого не удивляли, здесь же ими восторгаются. О Комарове Лосев ничего не знал, помнил лишь Гагарина. Юрий Алексеевич погибнет скоро, года не пройдет.

– Вот так, Борис, – дядя Миша выбросил окурок. – Пойдем работать. Хлеб скоро привезут...

За хлебом было молоко. Николай таскал лотки и ящики, поражаясь похоронной атмосфере в магазине. Заплаканные лица продавщиц, такие же – у многих женщин-покупательниц. Смерть незнакомого им человека они переживали, словно потерю близкого. Другое время и другие идеалы...

Завершив работу, Николай отправился к директору спросить, не изменилось ли что в связи с событием. Алексеевна сидела за столом с потерянным лицом.

– Слышал? – спросила Николая.

– Беда, – ответил Лосев. – Но подробностей не знаю.

– Возьми, – она придвинула ему газету. – Дома прочитаешь. Придешь к обеду, до него машин не будет.

– Поликлиника не отменяется?

– Нет, конечно, – удивилась Алексеевна. – С утра сдашь анализы, обследование во второй половине дня. По кабинетам проведут, как я сказала. А сейчас иди, Борис, тошно мне. Видеть никого не хочется.

У себя на кухне Николай прочел соблезнование от Цен-

трального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров, сообщение ТАСС о гибели космонавта. С фотографии на него смотрел красивый офицер с погонами полковника. В голове мелькнула мысль. Он ей удивился, только отгонять не стал. Сходив в комнату, достал из шкафа большой альбом и карандаши. Прежний Боря неплохо рисовал. Николай как-то полистал альбом, подивившись таланту пацана. Особенно хорошо Боре удавались портреты. Он умел схватить настроение человека. Чаще всего рисовал мать. С листов на Лосева смотрела усталая женщина средних лет. Она грустно улыбалась сыну, видимо, уже зная, что оставит его одного. От такой улыбки щемило сердце.

Сам Лосев рисовать не умел, но сейчас почему-то зачесались руки. Он положил перед собой газету с портретом и взял в пальцы карандаш. Провел первую линию, а потом мир вокруг него исчез. Он чертил грифелем по плотной бумаге, отрываясь от нее лишь затем, чтобы его очинить. В себя пришел где-то через час и уже осмысленным взглядом рассмотрел рисунок. В отличие от фото на газетном листе, Комаров вышел у него живым. Он глядел на него, чуть заметно улыбаясь, но улыбка эта была грустной – космонавт словно предвидел свою гибель.

На мгновение Николай задумался: не раскрасить ли портрет? Покачав головой, решил, что не стоит. Черно-белый рисунок передавал настроение сегодняшнего дня, цвет добавит ему слащавости. Лосев взял карандаш и изобразил в пра-

вом нижнем углу портрета траурную ленту наискосок. Снизу написал строгим шрифтом: «Летчик-космонавт Владимир Михайлович Комаров. 1924–1967». Отложив карандаш, почесал в затылке: надо бы добавить еще что-то. Только что? «Помним и скорбим?» Отдает кладбищем. Это ведь не памятник на могилке. «Слава герою?» Еще хуже – лозунг у бандеровцев. Здесь о нем забыли, а вот Лосев помнит. Хм, а если... Он слышал это от пилотов.

Написав пришедшие на ум слова, Николай взял ножницы и вырезал лист из альбома. Захватив катушку лейкопластыря, вышел из квартиры. В магазине шел обычный торг, и на грузчика внимания никто не обратил. Николай подошел к стеклянной стенке рядом с дверью, отрезая кусочки лейкопластыря, прикрепил портрет к стеклу – тыльной стороной к себе. Выскочив наружу, оценил работу. Комаров смотрел с портрета на любого, кто приблизится ко входу. Вот и хорошо.

Николай отправился домой. До обеда еще час...

* * *

Толпу у входа в магазин Ясюченя разглядел издали. Люди сгрудились на ступеньках, внутрь не заходя. Ясюченя глянул на часы – понятно, магазин закрыт на перерыв. Но зачем тогда народ собрался? Непорядок.

– Тормози! – велел сидевшему за рулем сержанту.

Тот остановил УАЗ напротив магазина. Ясюченя вышел и направился ко входу.

– Что тут происходит, товарищи? – спросил, подойдя ближе.

Люди стали оборачиваться и, разглядев перед собой милиционера, да еще с погонями капитана, молча расступились. Странно, но у некоторых на глазах слезы. Ясюченя подошел к двери в магазин. Рядом с ней на стеклянной стенке висел черно-белый портрет. Изображенного на ней человека капитан узнал сразу – он с утра успел посмотреть газеты. Надпись под портретом подтвердила его догадку – Комаров. Он глядел на Ясюченю строго, словно вопрошая: «Ты что сделал для Отчизны, капитан? Я вот жизнь не пожалел...» Ясюченя отступил на шаг и присмотрелся. Траурная лента, нарисованная сбоку, и большими буквами пониже: «Летчики не умирают, они улетают и не возвращаются...⁴²»

Капитан почувствовал, как защипало в глазах. Он снял фуражку, постоял с минуту, повернулся и пошел обратно.

– Что там, товарищ капитан? – спросил водитель, когда Ясюченя заскочил в УАЗ.

– Вывесили портрет Комарова, – ответил офицер. – Его кто-то замечательно нарисовал. Смотришь – плакать хочется.

– Понятно, – вздохнул сержант. – Куда едем?

Капитан задумался. Секретарь партийной организации

⁴² Фраза, принадлежащая Антуану де Сент-Экзюпери.

РОВД, он прекрасно понимал: в магазине сделали то, до чего не додумались у них в отделе. Следовало найти портрет космонавта и с черной, траурной лентой, выставить в холле на столе с кумачовой скатертью. Положить цветы... Такие вещи сплачивают коллектив. Хотя еще не поздно...

– В отдел! – велел водителю...

* * *

После сытного обеда продавцы и грузчики разбрелись коротать минутки отдыха. Валентина сидела в кабинете, перебирая накладные, когда внезапно в дверь ворвалась заместитель.

– Алексеевна! – закричала с порога. – Люди собрались у входа. Стоят и не уходят. Милиция приезжала...

Валентина удивилась. Так случилось, когда в магазин завозили ходовой товар. Не успевшие его купить до перерыва на обед ожидали на ступеньках открытия гастронома. Но сегодня дефицит не поступал, и его не предполагалось.

– Пойдем, глянем, – сказала заместителю, – но снаружи. Изнутри увидят сквозь стекло и еще не так поймут. Ты халатними...

Выйдя через служебный вход, они обогнули дом и приблизились к толпе. Она не была статичной: люди подходили и проталкивались к дверям. Были там недолго. Воротившись, разбивались на компании, что-то обсуждая. В ближ-

ней к женщинам спорили мужчины.

– Инженеры виноваты! – говорил один, одетый в заводскую робу. – Не проверили, как должно. Вот и нету человека. И кого сгубили!

– Техника уж очень сложная, – возражал интеллигент в костюме. – И к тому же космос. Неизвестно, что и как там себя поведет.

– Но другие слетали и вернулись, – покачал рабочий головой. – Все живые и здоровые. А Комаров погиб... При Сталине виновные уже сидели бы.

– Не волнуйтесь, разберутся, – успокоил интеллигент. Подняв руку, глянул на часы. – Через пять минут откроют. Помянем героя, как положено?

– По рублю? – спросил рабочий. – Только третий нужен.

– Я им буду, – сказал молчавший до сих пор мужчина и полез в карман.

– Торгаши-то какие молодцы! – сказал рабочий, принимая от него желтую бумажку. – Не забыли про героя.

– Сделали достойно, не формально, – подтвердил интеллигент, доставая рубль из кошелька. – Уважаю.

Подивившись разговору, Валентина протолкалась к входу в магазин, где мгновенно поняла причину появления толпы. Несколько минут она смотрела на портрет, ощущая, как в груди копится горечь.

– Как живой, – всхлипнул кто-то рядом.

Валентина повернула голову и узнала старушку – ту, что

требовала на днях свежего хлеба. Покупательница промокнула платочком слезы и вздохнула:

– Молодой какой...

– Разберитесь, кто устроил, – приказала Валентина заместителю, когда обе женщины вернулись в магазин. – Почему со мной не посоветовался?

– Может быть, не наш? – сказала подчиненная. – Где нам взять такой портрет? Кто-то в магазин зашел, тишком повесил.

– Вот и разужнай, – сказала Валентина...

Заместитель заглянула к ней через полчаса. Рядом с ней топтался грузчик Боря.

– Он, – сказала заместитель, подтолкнув его к столу. – В винно-водочном заметили, как вешал. Но подумали, что это объявление – кто-то поручил.

Валентина даже растерялась. От кого-кого, но от пацана она такого не ждала.

– И зачем ты это сделал? – спросила, принимая строгий вид.

– Чтоб почтить память космонавта, – выдавил пацан.

– А меня спросить не мог?

– Постеснялся. Вы сказали: не хотите видеть никого.

– А портрет-то где нашел? – вздохнула Валентина. Парень прав, такое говорила.

– Сам нарисовал. Помните, газету дали? Там фото Комарова. От него и оттолкнулся.

– Ты еще и художник? – удивилась Валентина. – Почему не говорил?

– Да какой художник?! – он махнул рукой. – Просто вдруг нашло...

– Что ж, иди работай, – приказала Валентина и спросила заместителя, когда грузчик удалился: – Что с портретом будем делать? Снимем?

– Я б не стала, – сказала заместитель. – Люди валом валят в магазин. У прилавков – очереди. А ведь время неурочное, смены на заводах не закончились. План по выручке сегодня перевыполним.

– Ладно, пусть висит, – сказала Валентина...

К восемнадцати часам приехал директор торга. Как обычно, он зашел в торговый зал, где оценил работу продавцов, и лишь затем заглянул в кабинет директора. Увидав начальство, Валентина встала.

– Здравствуйте, Иван Терентьевич!

– Здравствуй, дорогая! – улыбнулся ей директор. – Ты чего вскочила, словно школьница? Не ругать приехал, похвалить. Для начала мы присядем.

Два директора заняли стулья.

– Из горкома мне звонили, – сообщил директор торга. – Им понравилась твоя инициатива с Комаровым. Сделали душевно и достойно. Говорят, не ждали, что в торговле так сумеют. Молодец ты, Валентина! Секретарь партийной организации обещает поощрение, а какое, на собрании решат. Я,

конечно, тоже не забуду. Премий за такое не дают, но зато подброшу дефицита.

– Спасибо вам! – поблагодарила Валентина.

– Тебе спасибо, – улыбнулся ей Иван Терентьевич. – Не припомню, чтоб горком меня хвалил. Они сказали, что почин твой подхватили. Везде, где можно, вывешат портреты Комарова. Пусть люди видят, что скорбим. Где портрет такой достала, кстати?

– Грузчик мой нарисовал. За образец взял фото в «Правде».

– У тебя работает художник? – удивился директор торга. – И мешки таскает? Пьет он, что ли?

– Нет, не пьет совсем, – сказала Валентина. – Да ему 17 лет всего. К нам только начал оформляться.

– Мне б художник в торге пригодился, – произнес Иван Терентьевич. – Плакаты рисовать или стенд оформить.

– Говорит, что вышло у него случайно, – возразила Валентина. – У парня нет образования. Остался круглым сиротой и школу не закончил. Сомневаюсь, что он справится у вас. Да и как оформить на работу, если нет диплома?

– Права, – не стал спорить с ней гость из торга. – Что ж, пойду. Дела...

Он встал. Валентина вновь вскочила и проводила гостя. Иван Терентьевич не возражал. Они прошли торговым залом и вышли на ступеньки перед входом. Директор торга посмотрел на висевший на стекле портрет и повернулся к ней.

– Хороший магазин у вас. Помню, как решали, кого директором назначить. Желающих хватало, причем все больше мужики. А тут женщина, к тому же молодая. Я настоял на твоей кандидатуре и рад, что не ошибся. До свиданья, Валентина!

Он пошел к ожидавшей его персональной «Волге». Валентина проводила его взглядом. «Не отдам вам Борю! – подумала сердито. – Мальчик просто золотой. Не пьет, не курит и в работе безотказный. Душевный парень, с Комаровым как придумал! Такого поискать. Коллективу как помог! Терентьевич подбросит дефицита, и план мы перевыполним – за месяц и квартал. Победим в социалистическом соревновании. А это премия для всех. Девчонки будут рады. У парня нет образования? Поможем. С обычной школой не получится – там с этим строго, но есть вечерние. Там и не такие работяги аттестаты получают...»

Довольная пришедшей мыслью, она вернулась в магазин.

Директор школы бросил взгляд на наручные часы.

– Время еще есть, – сообщил преподавателям. – Подготовку к предстоящим экзаменам обсудили. Остался небольшой вопрос. Ко мне обратились уважаемые товарищи с просьбой оказать содействие молодому человеку. Он круглый сирота, мать недавно умерла. Чтобы прокормиться, пошел в грузчики. А другой работы не найти, потому что нет образования – вернее, аттестата. В детстве он болел и в школу не ходил. Но меня уверили, что программу средней школы знает. Попросили допустить к экзаменам и выдать аттестат.

– Алексей Сергеевич, это несерьезно, – отозвалась завуч, пожилая сухонькая дама. – Понимаю, что у нас вечерняя школа, и требования по сравнению с обычной не такие строгие. Но нельзя же заниматься профанацией. Если парень не учился, что он может знать?

– А вот мы сейчас проверим, – улыбнулся ей директор. – Я ведь согласился при таком условии. Педагогов здесь много, каждый задаст по вопросу, и картина станет ясной. Если испытания не выдержит, то предложим поучиться в школе. Вы согласны?

Преподаватели обменялись взглядами и закивали. Последней, нехотя, кивнула завуч.

– Леокадия Петровна, – директор посмотрел на секретаря

ря. – Пригласите молодого человека.

Не прошло и минуты, как в учительскую вошел невысокий, крепкий юноша. Одет он был странно. Синие брюки и такая же жилетка, а под нею – белая рубашка. Подойдя к столу, он поздоровался.

– Вы присядьте, – предложил ему директор. – Стул возьмите у стены, – и продолжил, когда парень занял место. – Как вас зовут?

– Борис Михайлович Коровка, – степенно произнес юноша.

Преподаватели заулыбались.

– С отчеством мы пока повременим, обойдемся просто именем, – хмыкнул Алексей Сергеевич. – Где, чему учились?

– Дома, по учебникам. Мама помогала, ну, пока жива была.

– Тем не менее, уверены, что освоили курс средней школы. Вы не возражаете, если мы проверим?

– Спрашивайте, – предложил Коровка.

– Что ж... – директор посмотрел на учителей. – И с кого начнем?

– Можно мне? – спросила «англичанка».

– Приступайте, Эльвира Николаевна, – разрешил директор.

– Иностранный язык учили? – повернулась «англичанка» к Коровке.

– Да, английский.

– Вэри вел, – сказала «англичанка». – Вот из ё нэйм?
(Очень хорошо. Как вас зовут?)

– Май нэйм из Борис.

– Вэа а ю лив? (Где вы живете?)

– Ай лив ин сити Минск, – ответил испытуемый. – Ит из зэ кэпитал оф зэ Белорашн Совет Соушалист Рипаблик. (Я живу в Минске. Это столица Белорусской Советской Социалистической Республики).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.